

Кайрат Бегалин

Зумын-каган

аруна
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ББК 63.3

Б 37

Рекомендовано Министерством образования и науки
Республики Казахстан

Издание выпущено по программе Министерства
информации и культуры Республики Казахстан

Б 37 Бегалин К.

Бумын-каган. История, личность, время. Серия «Знаменитые
люди Востока». – Алматы: издательство «Аруна», 2007. – 92 с.

ISBN 9965 – 26 – 189 – X

Бумын-каган – красочно-иллюстрированная книга для детей и взрослых на казахском и русском языках, в ней автор очень увлекательно и доступно показывает зарождение одной из самых могущественных кочевых держав раннего средневековья – Тюркского каганата и на этом историческом фоне высвечивает главного героя – кагана Бумына, первого правителя Тюркского каганата. Каган Бумын – одна из самых значимых исторических личностей. Сведений о его жизни сохранилось мало. Тем не менее, автору удалось по крупицам собрать материалы его биографии и воплотить в художественном произведении.

ББК 63.3

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «Аруна».

Б 0503020905
00(05)-07

ISBN 9965-26-189-X

© ТОО «Аруна Ltd.», 2007

Пролог

То, о чем мы хотим рассказать, случилось двести лет спустя после того, как в Степи чужеземцы уничтожили кочевой народ, имени которого история не сохранила.

Правда, из кровавого лихолетья вырвалась легенда. Она гласит, будто в той бесчеловечной бойне чудом выжил десятилетний мальчик. Враги отрубили ему руки и ноги, бросив умирать на болоте. Но Великий бог Тенгри наделил искалеченное тело Силой Духа, а богиня Умай отправила к мальчику свою служанку в облике волчицы. Она выходила его в одной из пещер Тянь-Шаня и родила ему там десять сыновей.

После этого волчица скрылась и появлялась лишь для того, чтобы помочь детям в трудную минуту. Когда они выросли и возмужали, их отец умер, а Сила Духа передалась его потомкам.

С каждым новым поколением в пещере становилось все больше и больше людей, и со временем она стала тесной для пятисот семей. Вождь Ашина¹ вывел сородичей из нее.

На этом событии легенду сменяет реальная история, ибо китайские летописцы сохранили упоминание об этом переселении: «По прошествии нескольких колен вождь Ашина со своим родом вышел из пещеры, признав себя вассалом жужаньского хана».

Владыка Жужаньского ханства управлял могущественной державой, которая простиралась от Тихого океана на востоке, до гор Тянь-Шаня — на западе. Северные рубежи этой огромной страны достигали озера Байкал, а на юге границы доходили до реки Хуанхэ.

Жужаньский хан поселил род Ашина в горной долине восточного Алтая с условием, что они будут добывать железо и платить дань изделиями из него. В те беспокойные времена большим спросом пользовались оружие и доспехи, а их изготовители быстро возвысились среди соседних родов, занимавшихся скотоводством.

Каждую весну кочевники собирались в Отюкенской Черни² у подножия горы Ул-Тюрки³, напоминающей своим видом огромный воинский шлем. Здесь люди устраивали торжища и отмечали Великий праздник, которым начинался отсчет дней нового года⁴, а старейшины и вожди принимали важные решения. Именно тут в 460 году зародился племенной союз десяти родов, получивший название «тюрки» в честь местности, где произошло их объединение.

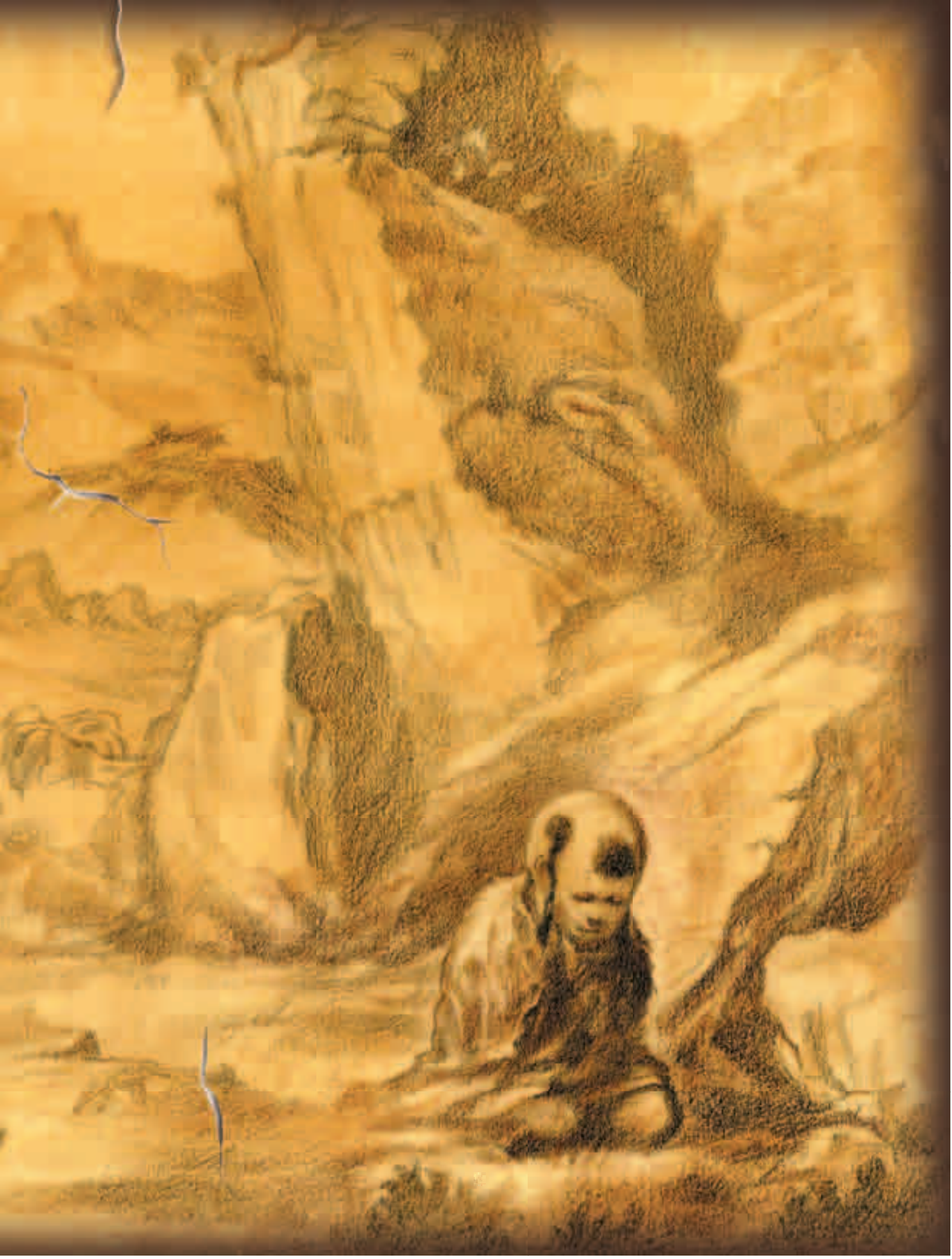
¹ Ашина — буквально «благородный волк».

² Отюкенская Чернь — эта местность считается прародиной тюрков.

³ Ул-Тюрки — буквально «Великий шлем».

⁴ Новый год кочевники отмечали в ночь с 22-го на 23-е марта.

Своим первым правителем тюрки избрали вождя рода Ашина. Получив высокое доверие народа, он присягнул на верность жужаньскому хану, и тот даровал ему титул шад⁵. С тех пор этот титул стал переходить от отца к старшему сыну, а вместе с ним и вся власть над племенным союзом десяти родов.

В то время, когда тюрками правил шад Агын, в Жужаньском ханстве вспыхнула борьба между претендентами на престол. Всего за один год сменилось три хана. В итоге власть захватил Футу⁶, но ему не удалось сохранить единства страны. То там, то здесь происходили волнения, вспыхивали бунты. Новый правитель душил их в зародыше, топил в крови. Однако недовольства ширились, и государство во весь опор помчалось к своему развалу.

Племена телеутов переселились из Жужаньского ханства в долину реки Иртыш, где они создали государство Гаогюй⁷. Их уход ослабил страну. Ситуацией тут же воспользовалось княжество Гаочан⁸, располагавшееся в Турфанском оазисе. Оно объявило о независимости и перестало платить дань зерном. В Жужании вспыхнул голод.

Попытки хана Футу привести к покорности своих вассалов⁹ закончились тем, что империя Вэй поддержала княжества Гаогюй и Гаочан, расположив в местности Хами отряд полководца Мин Вэя. Он терзал южные рубежи Жужаньского ханства частыми набегами и сдерживал главные силы армии. А тем временем в Гаогюе хан Мивоту¹⁰ собирал сильное войско и даже обратился за помощью к могущественным эфталитам¹¹.

Жужаньское ханство оказалось в окружении враждебных государств. Всем уже начало казаться, что кровавая трагедия, случившаяся в Степи двести лет назад, должна вот-вот повториться. И новой жертвой бога Войны станет еще один кочевой народ. Мудрые шаманы, познавшие тайны мироздания, предсказали рождение мальчика, которому была уготована великая миссия. И он родился в юрте шада Агына...

⁵ Шад – титул племенных вождей, в эпоху тюркского владычества шад командовал левым крылом войска.

⁶ Хан Футу – правитель Жужаньского ханства. Он правил с 492 по 508 гг.

⁷ Гаогюй – средневековое княжество в долине реки Иртыш.

⁸ Гаочан – княжество в Турфанском оазисе. Его жители занимались земледелием, выращивали хлеб. В 500 году Гаочан при поддержке китайской империи Вэй объявил о своей независимости и перестал выплачивать дань зерном Жужаньскому ханству.

⁹ Вассал – то есть подданный.

¹⁰ Мивоту – правитель княжества Гаогюй.

¹¹ Эфталиты – средневековый народ.

Отюкенская Чернь

Серой волчицей ночь прокралась в горную долину, слизав на своем пути сумеречные тени. Погода изменилась. Сначала заветрило с ледников, потом полыхнула метель. Казалось, проснулся сам ангел смерти Ульгень¹². словно раненый зверь, он всю ночь выл в озлобленном плаче. Под утро его дикий крик пошел на убыль, а с рассветом захлебнулся вовсе.

Стихия угасла, исчерпав всю свою ярость. Стоял туман. Льдом сковало ручьи и реки, молчали птицы и звери. Мир замер в стылой тишине. Лишь большие белые хлопья бесшумно падали в неподвижном мареве, покрывая землю ровным слоем.

Две заиндеветшие на морозе лошадки, хрупая крепкими копытцами по рыхлому снегу, тянули возок на полозьях с крытым шкурами верхом. Возничий, мужчина в овчинном тулупе и лисьем малахае, на ходу зачерпнул ладонью снег, смял его в кулаке и сунул комок в рот.

Вдруг среди сугробов мелькнула серая тень. Лошади шарахнулись, утягивая возок в сторону. Мужчина потянул поводья на себя.

— Тур-р-р... — раздался его голос.

Лошади остановились. Они беспокойно переступали с ноги на ногу, задирали головы, всхрапывали. Возничий сдвинул малахай на затылок, обвел округу взглядом.

В глубине кузова послышалась возня, из него высунулась голова мальчика с заспанными глазами.

— Что случилось, коке¹³?

— Волки, — послышался короткий ответ.

Ребенок насторожился, но лошади скоро успокоились, и возничий, выправив их, подстегнул поводьями.

— Чу! — прикрикнул он.

Возок дернуло, дорога продолжилась.

— Наверное, испугнули волка-одиночку, если бы встретили стаю, нам бы сейчас не поздоровилось.

Мужчина оглянулся и весело спросил:

— Неужели испугался, Бумын?

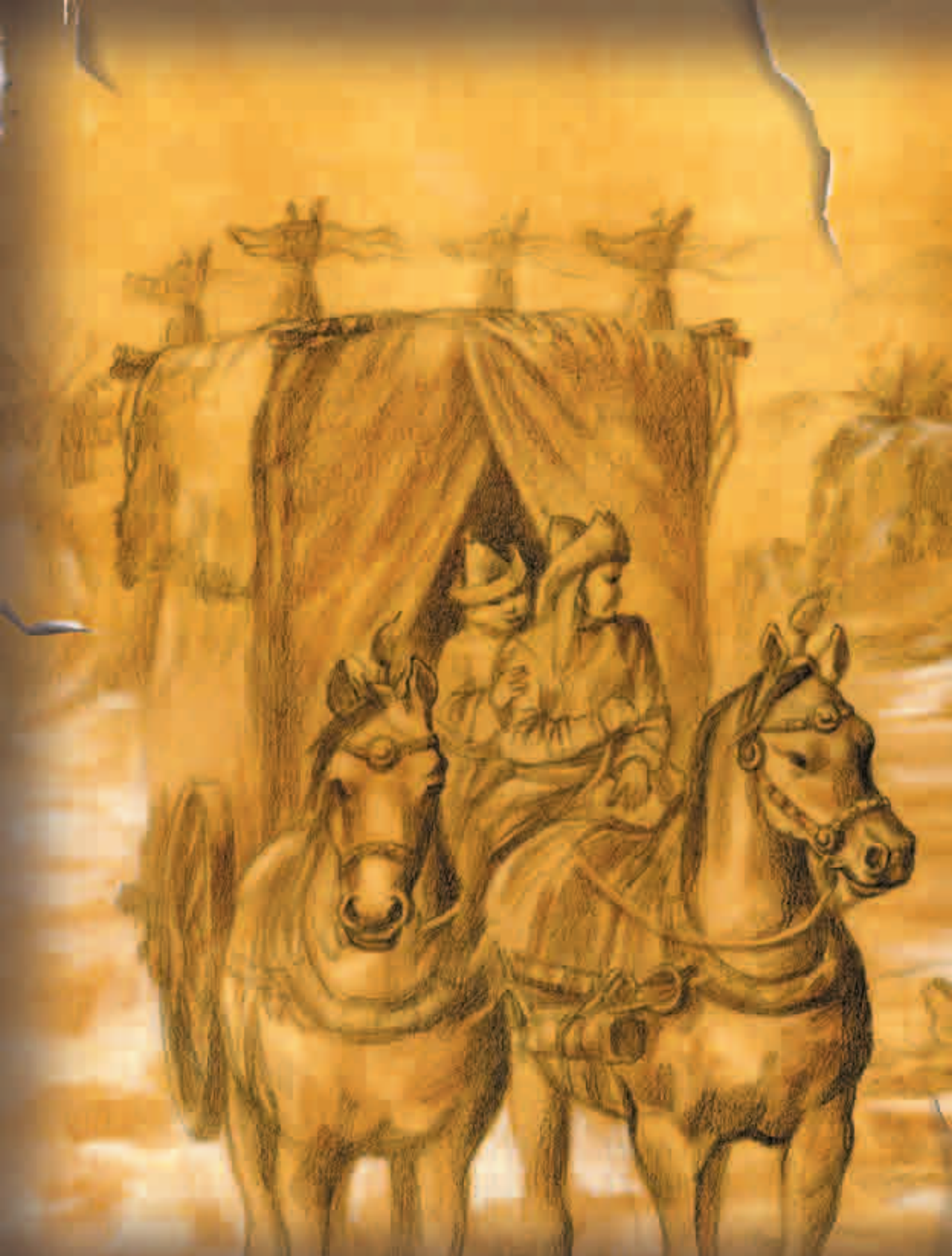
— Немного, — признался мальчик.

— Так ведь ты из рода Ашина, а вы, говорят, не боитесь волков.

Или врут люди?

¹² Ульгень — ангел смерти.

¹³ Коке — буквально «небесный». Так тюрки уважительно обращались к старшему брату матери.

Шутка не понравилась Бумыну. Он нахмурился, сердито хлопнул ладошкой по овчинному тулупу.

— Ой, ой... больно же! — возничий закричал, схватившись за плечо.

Мальчик рассмеялся. Он хотел заглянуть в лицо своего дяди, но разглядел только его покрытую щетиной щеку, которую тот притворно скривил, изображая боль.

— Когда мы приедем?

— Скоро, скоро уже.

— Ты еще вчера это говорил.

— Ночью пришлось переждать метель, чтобы не сбиться с пути. Жуть, что вокруг творилось...

— Метель? — Бумын взметнул брови. — Надо было меня разбудить, я никогда не видел метель.

Мальчик снова хлопнул по овчинному тулупу, на его лице сияла озорная улыбка.

— Да ты просто не помнишь. Неужели богиня Умай до сих пор оберегает тебя¹⁴? Ты же скоро должен сесть на коня¹⁵.

Бумын смущенно улыбнулся.

— А метель страшная? — спросил он.

— Бывало, люди целыми аулами замерзали в собственных юртах. Вот и скажи теперь, страшно это или нет?

— Да-а... — протянул Бумын и замолчал.

Пауза затянулась. Мужчина оглянулся, внимательно посмотрел на племянника. Наконец, поняв в чем дело, он успокоил:

— Да ты не переживай, в ауле твоего отца все живы и здоровы. Агын знает, как уберечь людей. Никакая метель с ним не страшна. Ты бы лучше шапку надел, а то голову застудишь.

Бумын скрылся в кузове и вскоре высунулся оттуда с бориком¹⁶ на голове. В этот момент из снежного марева выехала группа всадников караульного разезда. Возничий натянул поводья.

— Тур-р-р... — велел он остановиться.

— Неужели сам тархан¹⁷ Куржан пожаловал к нам в гости? — весело прокричал ехавший впереди воин.

— Так и есть, но тебя я не узнаю. Кто ты?

— Мое имя тебе ничего не скажет. Когда ты ходил в славные походы под знаменем шада Агына, я был таким же малышом, что сидит рядом с тобой.

— Походы и битвы еще вознесут твоё имя! И я хочу узнать его!

¹⁴ Согласно древнетюркскому поверью, богиня Умай оберегает ребенка до трех лет, лишь после этого возраста у детей появляется память.

¹⁵ Тюрки обучали верховой езде мальчиков в возрасте от трех до семи лет.

¹⁶ Борик — головной убор.

¹⁷ Тархан — титул тюркских князей.

— Меня зовут Каниш¹⁸! — гордо ответил всадник. — Позволь мне проводить вас.

Не дожидаясь ответа, он развернул коня и тронулся в путь. Возок последовал за ним. Проезжая мимо караульных, Бумын помахал им рукой, радуясь встрече с людьми в этом холодном, окутанном туманом мире.

Снегопад скрывал кизячные дымки, что пластались над куполами заснеженных юрт аула рода Ашина, но лошади издали учуяли запах очагов и прибавили шаг.

Первыми гостей встретили собаки. На лай из жилищ выходили люди. Каниш ехал впереди, на ходу сообщая сородичам о прибытии почетного гостя. Он проследовал дальше, а возок остановился у юрты хозяина селения. Рядом с ней стоял широкоплечий мужчина в зеленом кафтане и черных шалварах¹⁹, заправленных в сапоги. На его скуластом лице красовались пышные усы, голову покрывала войлочная тубетейка²⁰. В ловких неторопливых движениях проглядывали сила и уверенность.

— Рад видеть тебя, Куржан! — он заключил возникшего в крепкие объятия.

— Я тоже рад, Агын! — дядя кивком указал на Бумына. — Вот привез твоего сына, чтобы ты посадил его на коня.

— О, какой он стал большой!

Отец вытащил Бумына из возка, поднял на руки, нежно понюхал и, обращаясь к сородичам, сказал:

— Посмотрите на него! Настоящий жигит!

Люди улыбались, одобрительно кивали головами. Из толпы вышла старуха. Она прикоснулась костлявыми пальцами к пухлым щечкам мальчика, потом провела ладонями по своему лицу. При этом старуха что-то бормотала, а в конце, взглянув на Агына, сообщила:

— Айбури²¹ оберегает твоего сына. Этой ночью я буду говорить с ней.

— Спасибо тебе, почтенная Орпери, — ответил Агын.

Потом обратился к Куржану:

— Сегодня поистине радостный день! Проходи в мою юрту, отметим это событие!

Отец опустил сына на землю. Они вошли внутрь, расположились у очага.

Яркое пламя освещало жилище. Куржан грел руки над огнем, а Бумын разглядывал доспехи и оружие, развешанные по всей юрте:

¹⁸ Каниш — буквально «пьющий кровь», в понятии «хищник».

¹⁹ Шалвары — широкие штаны.

²⁰ Тубетейка — так тюрки называли специальный головной убор, сверху которого надевался воинский шлем.

²¹ Айбури — означает «лунная волчица».

кожаные латы с металлическими пластинами, позолоченный шлем, украшенный перьями филина, тугой лук из рогов архара, различные сабли, кинжалы и ножи.

— Нравится? — спросил Агын.

Бумын, не отводя глаз, молча кивнул.

— Тогда выбери себе что-нибудь в подарок, — Агын посмотрел на Куржана. — Твоя сестра родила мне настоящего воина. Жаль, что она рано покинула нас...

Он тяжело вздохнул, потом продолжил:

— Спасибо, что после ее смерти ты воспитывал Бумына, а твоя жена вскормила его своим молоком.

Агын прижал руку к груди, склонил голову в благодарном поклоне.

— Незаметно пролетело время, — ответил Куржан. — Бумын вырос, и теперь ты должен воспитать из него шада тюрков, а мне надо возвращаться обратно. Непокойно сейчас в наших краях. Недавно один из караульных разъездов столкнулся с отрядом Мин Вэя, еле унесли ноги.

— Вот как? А я слышал, Футу отправлял в Вэй послов²².

— Они вернулись ни с чем.

Агын на мгновение задумался, затем склонился и заговорил тише.

— В Гаогюе сейчас собирается большое войско, Мивоту даже просил воинов у эфталитов.

— Значит, весной он выступит в поход.

— Нет, весной Мивоту не пойдет.

— Почему? — удивился Куржан.

— Он же не вооружит свою армию палками!

Мужчины рассмеялись.

— Если не весной, то когда телеуты могут выступить в поход, как думаешь?

— Они не будут дожидаться весны.

— Зимой? Так ты же говоришь, что у них нет оружия.

— Нет, я говорю, что Мивоту не сможет вооружить всю свою армию, но тумен его воинов готов выступить в любой момент. Имея такую силу, он будет рассчитывать на внезапный удар. А когда это лучше всего сделать? Только зимой. В это время ставку Футу охраняет не больше пяти тысяч всадников. Телеуты легко справятся с ними, захватят обозы с оружием, вот тогда к ним и подоспеет подкрепление.

— Почему же ты не предупредишь Футу?

— Зачем? Я ведь не знаю точно, пойдет Мивоту в поход или нет. Если нет, то жужане всю зиму зря продержат войско в ставке. Все

²² Испытывая нужду в зерне и хлебе, в 506 году хан Футу просил мира у империи Вэй.

это время коней и воинов нужно кормить, к весне они съедят все запасы. Потом Футу обвинит меня и потребует возместить убытки.

— Да, так и будет, можно не сомневаться, — Куржан улыбнулся. — Что же ты собираешься делать?

— Я уже увел все наши аулы подальше в горы. Телеуты туда не сунутся, побоятся угодить в засаду.

Пока мужчины говорили, Бумын выбрал кинжал и саблю. Подошел к отцу и дяде, присел рядом, положив перед собой подарки. Отец, взглянув на них, удивился:

— А саблю тебе не рано носить?

— Она для коке.

Хохот Агына сотряс юрту.

— Ай, молодец! Настоящий вожак! И себе кусок вырвет, и тех, кто с ним, — всех накормит!

Куржан с умилением смотрел на племянника.

— Мне можно их взять, шад? — Бумын был серьезен.

Этот вопрос и тот тон, каким он был задан, заставили Агына перестать смеяться. Он заерзал на месте, кашлянул в кулак. «Должно быть, сын еще не привык, поэтому не называет меня отцом», — подумал Агын, а вслух произнес:

— Конечно, сынок, — напирая на последнее слово.

Бумын передал саблю дяде, а сам стал навешивать кинжал на свой пояс. Куржан вынул клинок из ножен, внимательно оглядел его.

— Если бы все воины Мивоту были вооружены такими саблями, мы бы сейчас платили дань ему, а не Футу.

— Это верно, — согласился Агын.

Бумын повесил кинжал на пояс и внимательно слушал, о чем говорили взрослые. Мальчика удивило, что жужаньский хан Футу, оказывается, был не таким уж и всемогущим, каким он казался ему раньше. Ведь его мог разбить какой-то телеутский правитель по имени Мивоту. О нем Бумын слышал впервые.

— А Мивоту сильный? — спросил он.

— О-о! — красноречиво протянул отец, слегка откинувшись назад. — Он может собрать пять туменов воинов. Если бы он смог их вооружить, то покорила бы полмира.

— Значит, вся его сила в оружии?! — Бумын сделал для себя важное открытие. — Но ведь оружие делаем мы, тюрки! Получается, мы сильнее Мивоту!

Мужчины повеселели, глядя на него.

— Оружие делаем не только мы, — заметил Агын. — В горах Тибета есть народ, который тоже добывает железо...

— Там плавят плохое железо, — возразил Куржан. — Их сабли и копья даже сравнивать с нашими нельзя.

Полог юрты приподнялся, вошла служанка. Она несла поднос, на нем стояла чаша с горячей шурпой и деревянные пиалы. Вслед за ней стали появляться люди. Постепенно юрта заполнилась народом.

Куржана как почетного гостя усадили напротив входа. Прославленные воины и уважаемые старейшины расположились вдоль войлочной стены. Они разговаривали, с интересом поглядывали на Бумына.

Подали еду и напитки. Все ели, но голоса не смолкали. Отблески жаркого пламени освещали лица и одежду людей. Бумын скучал среди взрослых, но он должен был терпеливо сидеть на своем месте. Ведь все они пришли специально, чтобы увидеть его.

Мальчик вдруг вспомнил прощальный той²³, устроенный по случаю его отъезда из аула дяди Куржана. Теперь он был далеко от тех мест, где остались молочный брат Джура и друзья.

Бумын вздохнул, ему стало грустно. словно уловив его настроение, старый шаман тронул смычком струны кобыза, и юрта наполнилась звуками, в которых все узнали слова древнего сказания о чудесном воскрешении бога Тамуза. Бумын склонил голову на подушку, глаза сомкнулись сами собой, и мысли понесли его в то далекое прошлое, когда случилась эта история.

Воевал солнцеликий Тамуз²⁴ с силами Мрака и Зла. За это люди полюбили его и стали возносить героя превыше всех богов. Вскоре затмил он своей славой величие самого Тенгри. За это Великий прогневался на солнцеликого: ибо только Тенгри велик, и куда ни кинь свой взор, везде виден только Тенгри лик. И от гнева Великого пробудился ангел смерти Ульгень. Выехал он из Долины Мертвых на своем верном шакале Жалмаузе и пустил коварный ядовитую стрелу в самое сердце бога Тамуза. Умер герой, а душа его обрела покой в Святой Стране Предков — Йерсу, откуда все мы вышли и куда вернемся вновь после жизни на земле. Когда случилось это, то в тот же миг наступила тишина. А мгновение спустя заплакало Небо и застонала Земля. С деревьев стала опадать листва, и улетали птицы в далекие края. Вечная Ночь опустилась на Великую Степь. Почувствовали свою силу враги Тамуза и засыпали все вокруг снегом. Пригнали они ветер и холод, чтобы убить все живое. И великое бедствие постигло людей: умерла

²³ Той — праздник или праздничный обед.

²⁴ Тамуз — бог солнца.

любовь в их душах и поселилась злоба в сердцах. И тогда пробудилась богиня Умай, решив положить конец этому безобразию. Пришла она в Царство Йерсу к богу Иллои и потребовала вернуть душу Тамуза. Согласился он, но знал, коварный, что без Божественной Силы из Святого Источника Жизни невозможно было соединить душу с телом. Насмеялся злодей и танцевал вокруг Умай, и думал, что не удастся ей воскресить Тамуза, ибо дорогу к Источнику Жизни знал только Великий бог Тенгри, а ведь Он был зол на солнцеликого. Но не сдалась Умай и отправилась в дальний путь, обходя различные ловушки, которые устраивали ей более мелкие и оттого более подлые и злые божки. И долго ходила она, но в конце концов устала и прилегла, чтобы отдохнуть. Широко раскинула Умай члены свои. Увидел это Тенгри и залюбовался Он божественной красотой Умай. И от взгляда Великого пробудилась она. Заметив, что Тенгри смотрит на нее, Умай пустила в ход все свое женское обаяние и мудрость. И просила Великого указать ей, где находится Источник Жизни. Но хранил молчание Он, только почему-то сильно вздулось облако на одеждах Тенгри. Увидев это, подумала Умай, что то опухло ребро Его, и спросила она: «Каким недугом страдает Великий?» Ничего не ответил ей Тенгри, лишь смущенно опустил Он очи свои. И решила Умай, что болезнь сковала уста Его, и захотела излечить Великого от страданий. Распахнула богиня белые одежды Тенгри и увидела, что под ними Великий скрывал ключ от Святого Источника Жизни... И в тот же миг Свет пронзил Тьму, и прогремел гром, сотрясая мир. Долго проливалась Божественная Сила. И наполнила Умай чашу свою и напояла из нее бога Тамуза. И воскрес герой, и взошел над Великой Степью, освещая ее светлым сиянием своим. Когда случилось это, то возродовалась жизнь на земле, и растаяли льды на озерах и реках, и поселилась любовь в душах людских, и вернулись птицы в родные края, и во славу богини Умай стали петь они веселые песни. Только один бог Иллои грустил среди общей радости, и выли от наказаний его злые боги Тьмы, и проливали они горькие слезы свои на Землю, и боялись возмездия бога Тамуза. Но простил благородный герой всех, кто просил у него пощады. «Быть по сему, – решил Великий Тенгри, – ибо должен существовать в мире порядок, и никто не вправе нарушить его».

И сказал Он, что отныне обязательно должно будет свершиться то, что должно свершиться!

С тех пор День сменяется Ночью...

На следующий день после приезда Бумына шаманка Орпери объявила, что Агын должен посадить сына на коня. Всех удивило это решение, ведь подобные события обычно проводили весной или летом, но шаманка пресекла всякие возражения фразой:

— Такова воля богов!

Спорить с богами никто не решился. Даже аксакалы, хорошо знавшие обычаи предков, дружно закивали головами.

Вечером все жители аула собрались, чтобы поучаствовать в церемонии. Бумына нарядили в одежду, украшенную перьями филина. Его появление на людях вызвало восторг, вторая волна возгласов прокатилась по толпе, когда в центр вывели скакуна. Он был великолепен.

Крупного саврасого жеребца украшали разноцветные шелковые ткани, под которыми скрывалось специальное детское седло — ашамай. К гриве и хвосту были привязаны перья филина. Посадить Бумына в седло доверили самому лучшему наезднику в тюркских кочевьях. Им оказался Каниш. Он поднял мальчика на спину лошади, засунул ноги молодого наездника в тепкишек²⁵, крепко обмотал его поясицу тонким шерстяным одеялом и привязал к колтырмашу²⁶. В этот момент один из аксакалов выкрикнул традиционную фразу:

— Потуже привяжи колтырмаш ашамая, чтобы ребенок в дороге не устал!

— Как ты привязывал меня в детстве, так я и сделал, уважаемый! — ответил Каниш.

Аксакал остался доволен ответом. Как учил Бумына отец, он вытянул руки перед собой, прося благословения у старейшин аула. Из толпы вышел седобородый старец Онай. Он протянул руки к небу и нараспев произнес торжественную речь:

*Преодолей высокие горы и глубокие овраги,
Проскочи через бурные реки и глубокие озера,
Сквозь густые леса и даже через те места,
Куда любопытные лисы не суют свои морды,
Проедь земли семи народов и безлюдные пустыни,
Проложи путь там, где нет дорог,
Будь всегда впереди своего войска,
И пусть к испытаниям этим будет готов твой конь,
Да случится так!
«Да случится так!» — повторила толпа.*

²⁵ Тепкишек – небольшая переметная сумка, использовавшаяся вместо стремян при обучении детей верховой езде.

²⁶ Колтырмаш – тонкая опорная палка, соединяющая переднюю и заднюю стороны детского седла – ашамая.

Выслушав благословение, Бумын взял в левую руку поводья, а в правую — камчу. Каниш повел коня под уздцы. Нужно было проехать все селение, не пропустив ни единой юрты. Рядом с каждой из них стояли хозяева и, осыпая мальчика шашу²⁷, выкрикивали ему свои пожелания.

Бумын улыбался, стараясь держаться в седле прямо, и это вызывало одобрение сородичей. Церемония закончилась поздним вечером. Мальчик устал, но хотел стойко продержаться до конца. Глаза слипались сами собой, и под самый конец тоя он все-таки уснул.

Гости разошлись. Агын молча сидел у очага, слегка склонив голову набок, будто к чему-то прислушивался. Ему давно пора было обзавестись женой, только он никак не мог забыть ту женщину, которая когда-то разжигала огонь в его жилище. Хотя ее имя вот уже несколько лет никто не произносил вслух²⁸.

Злая болезнь отняла у него любимого человека, но жена оставила ему Бумына. Отец взглянул на спящего сына, улыбнулся. Улыбка мигом сошла с его губ, когда он подумал, что за мальчиком нужен

²⁷ Шашу – обряд осыпания различными сладостями или мелкими вещами.

²⁸ Древние тюрки не произносили вслух имени человека, скончавшегося от болезни. Считалось, что можно накликать беду на других членов семьи.

уход, что ему не хватает материнской ласки. И Агын принял решение. Стараясь не шуметь, он натянул на ноги кожаные сапоги, поднялся и тихо вышел из юрты.

Через несколько дней он вернулся вместе с дочерью бека²⁹ Нушиби³⁰. Девушку звали Кулан, она была молода и красива. Устроившись рядом с невестой отца, Бумын любовался ею и гордился так, словно она была его старшей сестрой.

На смотрины собрались старейшины, они преподносили подарки молодоженам, высказывали им свои пожелания.

— Пусть будет благословен этот день! — громко произнес старец Онай. — Теперь в юрте нашего шادا Агына появилась красавица-жена и заботливая мать!

Свадьба удалась на славу. В огромных котлах кипела шурпа, шипели над кострами туши баранов, всюду смеялись дети, слышались звуки домбры и кобыза. Но как только на небе засиял серебряный лик луны, все стали расходиться по своим жилищам. И старый шаман затянул древнее сказание о рождении Великого бога Тенгри:

В те времена, когда всё, находящееся вверху, не называлось еще Небом, в те времена, когда всё, находящееся внизу, не называлось еще Землей, были только Хаос и Тьма, но вот однажды посреди всего этого пробудился Великий Дух — так был рожден бог Тенгри! И своим появлением разделил Он верх от низа и заполнил собою всё пространство между ними — так было рождено Небо! И ступил Тенгри на твердь — так была рождена Земля! И решил Тенгри увидеть мир, и широко раскрыл Он глаза свои — так был рожден Свет! И увидел Тенгри, что мир прекрасен, и отделил Свет от Тьмы — так были рождены День и Ночь! И от великих трудов Тенгри проступил пот, который шумным потоком стекал вниз — так был рожден Океан! И Великий Дух божий днем и ночью носился над водой, пропитанной чистым сиянием Его! С тех пор стал велик Дух Тенгри и, куда ни кинь свой взор, везде виден лик Бога Тенгри!

Когда песня стихла, Бумын уже спал безмятежным сном, прижимаясь к теплому боку Кулан. Он блуждал по сказочной стране, которую рисовало ему воображение. А вместе с ним в других юртах рядом со своими матерями так же мирно спали сотни детей, и все они видели изумительные сны.

²⁹ Бек — глава рода.

³⁰ Нушиби — вождь рода, позже его именем стали называть влиятельный тюркский клан.

В огне

Жужаньское ханство содрогнулось от ударов армий империи Вэй и княжества Гаогюй³¹. Тревожные вести о разгроме хана Футу мгновенно расползлись, словно змеи, добравшись до самых глухих провинций.

В аул рода Ашина часто приезжали спасшиеся бегством воины. Агын внимательно слушал их сбивчивые рассказы, пытаясь представить полную картину трагедии. А рисовалась она людьми, сильно напуганными поражением и изможденными дальним переходом. С их слов все выглядело так, будто Жужаньское ханство пало, а несметные полчища телеутов и табгачей³² теперь рыщут по всей стране в поисках добычи.

Агын этому не верил. Ведь не могла же бесследно исчезнуть великая держава, раскинувшаяся от Когурио³³ на востоке, до Гаогюя — на западе. Такую огромную территорию за все лето на коне не объедешь, не говоря уже о том, что на своем пути захватчики будут всюду встречать сопротивление.

Наконец, приехал тархан Куржан. Он рассказал правду и опроверг слухи.

Кулан разливала горячую шурпу, Бумын сидел рядом с ней, внимательно слушая, о чем говорили дядя и отец.

— Ты был прав, Агын. Мивоту не стал дожидаться весны. Он выступил зимой и хотел стремительным рейдом прорваться к ставке Футу. Узнав об этом, хан во главе пятитысячного отряда встретил телеутов близ озера Пулэй, — голос Куржана звучал твердо, ни единый мускул не дрогнул на его лице. — Потерпев поражение, жужаньцы бежали на юг, но в горах Бэйшаня их поджидал отряд Мин Вэя. Вырвавшись из засады, Футу собрал уцелевших воинов и развернул их против ослабевших после первого боя телеутов. Мивоту выиграл сражение, но ему не удалось взять живым Футу. Хан сам вонзил кинжал в своё сердце.

— Мивоту заранее договорился обо всём с Мин Вэем, — сделал вывод Агын.

— Я тоже так думаю. Да, еще одно: скальп Футу телеуты отправили Мин Вэю, видать, Мивоту признал его главным победителем.

После короткой паузы Куржан добавил:

— Я слышал, что нашим ханом теперь будет Чеуну.

³¹ Войска империи Вэй и княжества Гаогюй вторглись в Жужаньское ханство в 507–508 гг.

³² Табгачи — жители империи Вэй.

³³ Когурио — древнее название Кореи.

— Да какая нам разница, кто будет ханом? — Агын не скрывал раздражения. — Нас никто никогда не спрашивал об этом. И каждый новый правитель только и требует, чтобы мы больше плавиле железа, больше делали оружия и доспехов. Вот и все, что им от нас нужно...

— Мы не должны сидеть сложа руки! Если уж один тумен Мивоту разбил Футу, то десять тюркских родов тоже смогут собрать не меньше тумена воинов...

— Этот тумен нужно еще вооружить, — заметил Агын.

— Ты думаешь, что тюрки встанут под твоё знамя с голыми руками? Да в каждой нашей юрте висит не по одной сабле!

— Ну, соберем мы тумен воинов, а как его потом прокормить? Кто будет добывать руду, плавить железо, изготавливать оружие?

— Да, тут ты прав, — Куржан в задумчивости выпятил нижнюю губу. — Но все-таки попробуй поговорить с тюркскими беками, пусть каждый из них скажет свое слово.

В юрту торопливо вошел Каниш, позабыв поклониться, сообщил:

— Шад, к нам приближается хан Чеуну во главе тумена воинов.

— Чеуну? — Куржан сузил глаза. — С чего бы это?

— Да, интересно, — настороженно произнес Агын. — Где он сейчас?

— В одном переходе отсюда.

— Седлайте коней! — приказал шад. — Мы встретим его у Черных Камней.

Бумын выбежал наружу вслед за взрослыми. Аул бурлил. От юрты к юрте бегали люди, ржали лошади. Агын собрал знатных сородичей на краю селения, и они выехали встречать нового правителя.

Утром прискакал гонец, объявил, что шад велел готовиться к встрече хана. Люди обрадовались. Ведь не каждый же день правитель Жужаньского ханства приезжал в аул рода Ашина.

В полдень вдали показалось войско. От него отделилась группа всадников, они быстро приблизились к селению. Остальные воины разбили стан у подножия горы Ул-Тюрки, развели костры.

Хан Чеуну ехал во главе свиты на вороном жеребце. Доспехов и кольчуги на нем не было, и это говорило о добрых намерениях гостя. Он подъехал к юрте Агына, сошел с коня. Его примеру последовали остальные.

Стоя рядом с Кулан, Бумын внимательно рассматривал жужаньскую знать. Гости по одному проходили внутрь, приветствуя хозяйку жилища. Агын задержался у входа.

— Кулан, принеси гостям горячей шурпы, а ты, Бумын, поезжай вместе с Канишем к воинам, вдохни с ними запах походных костров.

Отец откинул войлочный полог, вошел внутрь.

Хан Чеуну, как подобает почетному гостю, занял место напротив входа. Агын прошел к нему, сел рядом. Он внимательно разглядывал гостей, размышляя над тем, что привело их в Отюкенскую Чернь.

Вместе с ханом приехали его братья Анахуан и Синифа, а также влиятельные жужаньские беки Поломынь и Шифа. Все они слушали Чеуну.

— Поражение Футу и его смерть вселили уверенность в наших врагов, — звучал голос хана. — Не все вассалы сохранили нам верность. Некоторые вожди пошли на сговор с Мивоту и Мин Вэем. Мы должны наказать изменников!

Все одобрительно загудели. Узкие, как лезвие ножа, глаза Чеуну скользнули по лицам собравшихся, остановились на Агыне.

— Сейчас мне трудно понять, кто наши враги, а кто друзья, — продолжил хан. — Поэтому я хочу, чтобы вожди всех племен, сохранивших нам верность, прислали своих сыновей в мою ставку накануне Великого праздника³⁴.

В юрте воцарилось молчание. Все смотрели на Агына, ожидая, что ответит шад тюрков.

— Уважаемый Чеуну! — произнес хозяин юрты. — Мои предки не раз доказывали преданность жужаньским ханам, но род Ашина никогда не отдавал своих детей по аманату³⁵.

— Ты прав, уважаемый Агын, — вмешался Поломынь. — Но теперь справедливый хан Чеуну хочет приблизить к ханскому дому род Ашина, а вместе с ним и всех тюрков.

— Спасибо за высокую честь, — Агын прижал ладонь к груди, поклонился. — Но Бумын лишь недавно сел на коня, он еще совсем ребенок.

— Никто не отнимает у тебя сына, — Шифа обиженно выкатил нижнюю губу.

— Я говорю не об этом, уважаемые. Может, лучше будет, если я отправлю его, когда он научится хотя бы седлать коня³⁶?

³⁴ Великий праздник – День весеннего солнцеворота.

³⁵ Аманат – степное правило, когда вассалы отдают своих детей на воспитание правителям.

³⁶ Седлать коней тюрки обучали мальчиков в возрасте 13 лет.

Жужаньская знать повеселела, поняв, что Агын не хочет расставаться с сыном, но и отказать хану он тоже не решается. Конечно, Чеуну мог просто приказать Агыну прислать Бумына к нему. Правда, он этого не сделал. Очевидно, не так сильна была его власть в Степи.

В любом случае противиться хану было опасно, когда поблизости расположилось жужаньское войско. И тут заговорил Куржан, голос его звучал торжественно.

— О, Великий хан! Ты оказал большую честь роду Ашина! Теперь мы станем ближе к ханскому дому! Но у Бумына есть молочный брат, мой младший сын Джура. Не разлучай детей, позволь им вместе жить в твоей ставке.

— Я буду рад воспитать и твоего сына, тархан Куржан, — ответил Чеуну.

— Благодарю тебя, хан! — Куржан прижал руку к груди, поклонился. — А вместе с нашими детьми верой и правдой тебе будут служить четыре сотни моих догылатов³⁷!

Последняя фраза подействовала на жужаньскую знать так, будто четыреста тюркских воинов обнажили перед ними свои сабли. Гости пытались улыбаться, но в их глазах читался страх.

— Четыре сотни? Такой свиты не имею даже я, а ведь я принц крови, — осторожно заметил Анахуан.

— Бумын — будущий шад тюрков, — напомнил Куржан и тем же торжественным тоном продолжил:

— И теперь четыре сотни наших воинов будут сопровождать его везде и всюду!

Все понимали, что тюркские воины не дадут в обиду своего будущего шادا. А если при этом они поселятся в ханской ставке, то жужаньская знать должна будет считаться с их присутствием. Понятно, что никто из гостей даже в мыслях не мог допустить этого.

— Тархан Куржан, ты храбрый воин, — раздался голос Синифы. — Твои догылаты также храбры и бесстрашны. Они займут достойное место в нашем войске, когда мы сойдемся на поле битвы против Мивоту и Мин Вэя. А до тех пор пусть набираются сил в родных аулах, ласкают жен, воспитывают детей...

В этот момент Чеуну поднял руку, требуя тишины, и Синифа замолчал. Хан подался вперед, уперся руками в колени. Он стал похож на орла, высматривающего добычу с горной вершины.

³⁷ Догылат — буквально «люди в железных шлемах», в понятии «профессиональный воин». В Тюркском каганате такое название носил элитный корпус кавалерии, который позже дал имя кочевому племени, известному в наши дни как дулат.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — сказал он твердым голосом. — Но я хочу спросить тебя, шад Агын, вот о чем. Этой зимой ты увел все тюркские аулы в горы, и за два дня пути к тебе я встречал только караульные разъезды. Ни один твой воин не погиб в этой войне.

— Это так, хан, — согласился Агын. — Только можно ли винить пастуха, который уберег все свое стадо во время бурана?

Чеуну рассмеялся.

— Ты настоящий вожак, Агын! За это я уважаю тебя и знаю, что если бы Бумын жил в ставке Футу, то твои воины встали на пути телеутов.

— Ты прав, хан Чеуну, — согласился правитель тюрков.

— Теперь я вижу, что ты честен со мной, и я не стану скрывать, что Жужаньское ханство переживает не лучшее время. Моя отара разбрелась по степи, теперь её надо собрать! Но как это сделать? Ведь те воины, что приехали вместе со мной — это все, что осталось от стотысячной жужаньской армии.

Услышав это, Агын и Куржан переглянулись. Никто из них не ожидал от хана подобной искренности. В юрте воцарилась такая тишина, что стали слышны голоса и смех, доносившиеся из горной долины, где расположилось ханское войско...

Бумын слушал рассказы бывалых воинов, сидя вместе с ними у бивачного костра. Верой и правдой они служили жужаньскому хану, вселяя страх в сердца его врагов. Многие повидали эти люди на своем веку, их жизнь была наполнена подвигами и приключениями, о которых они рассказывали как о чем-то будничном, не заслуживающем особого внимания.

Мальчику нравилось среди воинов, и он старался брать с них пример. Бумын сидел на скрещенных ногах, положив ладошку на рукоять кинжала. Взглянув на него, пожилой воин улыбнулся.

— Не пора ли тебе спать, малыш? Может, тебя мать с отцом ищут, а ты тут засиделся?

— Я — сын шادا Агына, — ответил Бумын, сохраняя достоинство и, взглянув на Каниша, добавил:

— Отец знает, где я.

— О-о... — протянул пожилой воин. — Сын самого шادا Агына?! Значит, пока хан гостит в вашей юрте, о тебе и не вспомнят. Давай-ка я укрою тебя своим тулупом, а то ночи у вас холодные.

Он укутал Бумына в овечий тулуп, затем по бокам и со спины подгреб снега, усадив мальчика так, чтобы тот не завалился, если уснет.

Оказавшись в тепле, Бумын не заметил, как погрузился в сон. Утром его разбудила барабанная дробь. Воины приводили в порядок оружие, седлали коней. Время от времени они поглядывали в сторону аула, ожидая увидеть ханскую свиту.

Бумын встал на ноги, оправил на себе одежду. Каниш поднял тулуп, отряхнул и передал пожилому воину. Тот попрощался, вскочил в седло и скрылся среди всадников.

Когда появилась ханская свита, костры были потушены, все воины сидели в седлах. Чеуну проехал мимо, войско перестроилось и двинулось следом за ним.

Жа острие

Весна в горах оживала медленно. Сначала дни стали длиннее, потом на обращенных к солнцу склонах сошел снег, и в долину потянулась пресная сырость. Заветрило с поросших склонов, и над аулом рода Ашина закружил запах прелой листвы.

Селение не торопилось пробуждаться, будто у его жителей не было будничных дел и забот. Хотя на самом деле сон служил для них единственным успокоением от пережитых бед и неизбежных невзгод, которые сулила им неопределенная будущность.

С тех пор как уехал хан Чеуну, в юрте шада Агына не раз собирались вожди десяти тюркских родов. Много было разговоров и споров, но Агыну удалось убедить беков, что они должны поддержать Чеуну, а не идти на сговор с Мивоту и Мин Вэем. Ведь еще неизвестно, как правители Гаогюя и Вэй поделают между собой завоеванную страну, какую дань они будут взимать с покоренных жителей. Наверняка, чужеземцы не пощадят их.

В итоге тюркские беки приняли решение сохранить верность жужаньскому хану. Хотя некоторые другие роды и племенные союзы объявили о своей независимости. Чеуну приводил их к покорности самыми жесткими мерами: казнил бунтовщиков, истреблял людей целыми аулами. Его беспощадность была вызвана тем, что он боролся не за господство над вассалами, а за выживание среди них.

Агын понимал, что волк станет вожаком, лишь перекусав всех кобелей в своей стае. Он не стал дожидаться, когда жужане обратят клыки против тюрков, и решил отправить сына в ханскую ставку до наступления Великого праздника. Только так шад мог обеспечить тюркам мирную жизнь.

Бумын плечом почувствовал прикосновение и открыл глаза. Над ним склонился отец.

— Вставай, сынок, нам пора ехать.

Кулан тоже проснулась. Она нежно понюхала лохматую голову Бумына, откинула одеяло, стала одеваться. Мальчик присел, потянулся, зевнул и, словно опомнившись, спросил:

— А Джура? Джура тоже поедет со мной?

— Он давно проснулся и ждет тебя вместе со своим отцом.

Ответ Агына заставил Бумына поторопиться, и вскоре он был готов отправиться в дорогу. Провожать его вышли все жители аула. Никто из них не радовался, но и слез люди не лили.

Агын посадил сына на коня и выехал вместе с ним. У Черных Камней их ждали четыреста догылатов во главе с Куржаном. Рядом с дядей Бумын увидел молочного брата Джуру. Встреча мальчишек была радостной. Они отделились от кавалькады и понеслись по долине наперегонки. Отъехав подальше, остановились.

— За тобой не угнаться! — выкрикнул Джура, переводя дух. — Кто тебя научил так хорошо ездить?

— Каниш.

— Так это же лучший наездник в наших краях! Да, повезло тебе. Научишь меня?

— Конечно!

— Тогда я научу тебя выть по-волчьи, это так наши воины переговариваются между собой в караулах.

— И ты так умеешь?!

— Я еще не то могу! — с гордостью ответил Джура.

За разговорами незаметно летело время. Вечером они поднялись на вершину большого холма и увидели внизу широкую степь, неровную, похожую на мятый войлок. Бумын оглянулся: вдали, почти сливаясь с небом, синела гора Ул-Тюрки.

Несколько дней они ехали по земле, где не было пологих холмов и гор, покрытых лесом, речных долин с густой и высокой травой. Во всю свою ширь перед ними стлалась чистая и светлая степь, среди которой Бумын издали увидел ханскую ставку.

На прямоугольной возвышенности стоял огромный белый шатер, охваченный полукольцами сотен юрт из серого войлока. Ставку опоясывал оплывший земляной вал, защищенный деревянными кольями. Она выглядела неприступной. Лишь с востока открывался проход, который по ночам загораживали телегами.

Узнав о приезде шада тюрков, хан Чеуну сразу же принял его. Агын и Бумын вошли в белый шатер. Прошли в центр, ступая по мягкому ковру, остановились, встали на колени и поклонились. Правитель Жужаньского ханства сидел перед ними на возвышении. По обеим сторонам от него в два яруса стояли длинные деревянные лавки, на которых сидела жужаньская знать.

— Приветствую тебя, хан Чеуну! — произнес Агын. — Пусть долгим и счастливым будет твое правление! Ты наш защитник и

благодетель! Тебе одному я могу доверить воспитание моего сына Бумына.

— Рад видеть тебя, шад Агын! — ответил Чеуну. — Благодарю тебя за доверие. Я воспитаю Бумына как родного сына. Если хочешь чего-то просить, проси сейчас.

— Вместе с Бумыном приехали четыре сотни догылатов, позволь им жить рядом с твоей ставкой.

— Пусть они разобьют свой стан на расстоянии полета стрелы. Бумын может жить вместе с ними.

— Благодарю тебя, хан Чеуну! И еще. Прими от меня в подарок оружие и доспехи, их хватит на тысячу твоих бесстрашных воинов!

Эта фраза вызвала восторг жужаньской знати. Чеуну тоже был доволен подарком. Он приподнял подбородок и, выпятив нижнюю губу, обвел долгим взглядом высокое собрание, мол, видали, как благодарит меня преданный вассал.

— Отныне на Великом совете шад Агын будет сидеть справа от меня, рядом с беком Шифой! — громко объявил хан.

Агын поклонился, выразив признательность Чеуну. Ведь турки получили право голоса на Высоком совете. Затем Агын и Бумын поднялись с колен. Отец проводил сына к выходу, а сам прошел на указанное ханом место.

Выйдя из белого шатра, Бумын рассказал обо всем Куржану, после чего воины поехали выбирать место для лагеря, а к ночи они уже разбили свой стан близ реки.

* * *

Вот уже несколько лет Бумын жил в ханской ставке. Он вырос, окреп и стал понимать, что находится здесь потому, что турки поддерживают жужаньского правителя. Это ему объяснили сыновья других вассалов, с которыми Бумын успел познакомиться. Два раза в год все они собирались в белом шатре, и хан разговаривал с ними. Во время этих бесед рядом с Чеуну сидела его мать, толстая старуха в пышных и дорогих одеждах. Она пыталась выглядеть доброй, хвалила детей за послушание, дарила им подарки. Но масляный блеск в щелочках хитрых глаз выдавал ее лживую натуру.

Жизнь в ханской ставке казалось Бумыну счастливой и безмятежной до той поры, пока не произошло жуткое событие. Однажды Чеуну велел казнить на глазах детей сына вождя маньчжурского племени дидэугань. Мальчику отрубили голову только за то, что его

соплеменники подняли бунт и оказали сопротивление жужаньским воинам. С тех пор Бумын осознал, что жизнь ребенка, отданного по аманату, зависит от того, насколько хорошо их отцы и сородичи исполняют приказы правителя Жужании.

Вожди племен навещали своих детей один раз в год. Их встреча происходила накануне Великого праздника. В ханскую ставку съезжалась вся степная аристократия, а также влиятельные и уважаемые люди. Среди них был буддийский проповедник Хуньсюань, сухонький старик с темным, словно обугленным лицом. Но при этом он обладал чистой душой и ясным умом. Кочевники уважительно называли его шаманом.

Хуньсюаня везде сопровождала малолетняя дочь Дэу-хунь-дивань. Правда, когда шел Великий совет, она ждала отца у входа в ханский шатер вместе с другими детьми.

Обычно Бумын и Джура дожидались Агына в тюркском стане, но в тот день собрание задерживалось, и они поехали выяснить, в чем дело. У деревянного ограждения стражники велели им спешиться. Мальчики сошли на землю, привязали коней к столбу и направились к группе сверстников. Джура поприветствовал всех, весело пошутил, и беседа завязалась.

— Хан Чеуну хочет, чтобы все кочевники поклонялись Будде, — объяснила Дэу-хунь-дивань. — Мой отец сейчас рассказывает Высокому собранию о нашей религии.

Джура почесал затылок так выразительно, будто пытался расшевелить мозги для того, чтобы понять услышанное. Раздались смешки.

— Не кривляйся, — сделала ему замечание Дэу-хунь-дивань.

— Я? Кривляюсь? — Джура выпучил глаза и тут же перешел в наступление. — Так ваша религия запрещает чесаться?

Несколько мальчишек расхохотались, схватившись за животы и согнувшись пополам. Остальные сдержанно улыбались. Девочка покраснела, не зная, что ответить наглцу. От переполнившего ее возмущения на глазах у нее выступили слезы. Заметив это, Бумын одернул молочного брата:

— Хватит тебе, Джура!

Потом попробовал успокоить дочь Хуньсюаня:

— Твой отец — мудрый человек. Мы все его уважаем.

Дэу-хунь-дивань увидела в Бумыне своего защитника и неожиданно разрыдалась у него на плече.

— Они все меня дразнят, слушать не хотят, — жаловалась она сквозь слезы.

— Ну, ладно, ладно... чего ты? — растерялся Бумын.

Джура примкнул к группе весельчаков. Загибаясь от хохота, они отошли в сторону. Вскоре к ним перекочевали остальные мальчишки и, поглядывая на шаманскую дочку, стали комментировать каждое ее движение. Их высказывания сопровождались всплесками веселья.

Бумын и хотел бы присоединиться к друзьям, но не мог оставить несчастную Дэу-хунь-дивань. Ему стало жалко девочку и, чтобы отвлечь ее от горьких мыслей, он предложил:

— Расскажи мне о своей религии.

Она оживилась, утерла слезы и начала рассказ. Поначалу Бумын слушал ее невнимательно, поглядывал на друзей, вздыхал. Но потом ему стало интересно, и он узнал историю о необычном человеке по имени Гаутама-шакья, которого люди прозвали Буддой. Он был мудрым и справедливым правителем. Его высказывания сохранились для потомков в специальной книге. Среди них Бумыну понравились слова: «Люби свою веру и не обижай другие».

— Ты поступаешь, как Будда, и даже чуточку похож на него, — произнесла в конце рассказа Дэу-хунь-дивань.

Бумын посчитал, что этой фразой она выразила ему свою благодарность за то, что он просто выслушал ее. Поэтому лишь улыбнулся ей и ничего не ответил.

Солнце склонилось над горизонтом, и багровый закат оповестил о наступлении ночи. Высокое собрание закончилось. Люди выходили из ханского шатра, к ним подбегали дети и расходились вместе с отцами.

Словно из-под земли рядом вынырнул Джура. Увидев его, Дэу-хунь-дивань вздрогнула и ближе подступила к Бумыну, взяв его под руку. А когда появился шаман Хуньсюань, девочка быстро попрощалась и побежала к нему. Он обнял дочь, словно не видел ее долгие годы.

— Ты чего с ней нянчился? — спросил Джура, провожая буддистов недобрый взглядом. — Мы там сидели, тебя ждали...

В этот момент появился Агын. Широко шагая, он подошел к мальчикам.

— А вы что тут делаете, на месте не усидели?

— Мы теперь какому богу будем поклоняться? — прямо спросил Джура.

— Ну-у... — Агын сделал неопределенный жест рукой и замаялся, но быстро спохватился. — У тебя других дел нет что ли? Вопросы мне тут задаешь!

Джура мгновенно потух, опустив голову.

— Ну, ладно, ладно, не обижайся, — помягчел Агын. — Готовьтесь лучше, завтра отпущу вас на праздник.

Услышав это, мальчишки тут же бросились к своим лошадям, подпрыгивая от радости.

На следующее утро в Орде объявили, что Чеуну принял буддизм³⁸. Состоялась церемония, и шаман Хуньсюань обратил хана в свою веру. Еще несколько сотен людей последовали его примеру. По этому случаю состоялся праздник и были организованы торжища, на которые прибыли купцы из разных стран.

Агын и Куржан уехали в Отюкенскую Чернь под предлогом, что им необходимо решить там важные дела. Бумын и Джура были предоставлены самим себе. Они ехали на конях по базару. Для них здесь все было в диковинку.

В воздухе пахло пряностями, жареным мясом, овощами и фруктами. Всюду кричали торговцы, предлагая свои товары. Чего тут только не было!

На телегах лежали китайский шелк и фарфор, разноцветные ткани из хлопка и льна, тюркское оружие, глиняная посуда из страны эфталитов, самоцветы с родины Будды. Люди спешили доставить на базар свежие фрукты, овощи, зерно и рис. Они везли мешки и корзины на конях, ослах, быках или несли их на своей спине.

Пробираясь сквозь шумную толпу, Бумын вертелся в седле. Но что это? Он заметил группу изможденных детей, связанных веревками. Они испуганно жались друг к другу.

Подобного Бумын раньше не видел³⁹. Вид у детей был такой жалкий, что он невольно остановил коня, отстав от Джуры. Заметив толстяка в богатом парчовом халате, подъехал к нему, спросил:

— Почему они связаны?

— Это рабы, — ответил брюхатый купец.

Он смерил подростка взглядом, будто прицениваясь, и, криво ухмыльнувшись, спросил:

— Может, желаешь купить кого-то?

— Купить? — Бумын рассмеялся, полагая, что торговец шутит.

³⁸ Жужаньский хан Чеуну обратился в буддизм примерно в 511–512 гг.

³⁹ У тюрков не было рабов.

— Ну да, чего тут смешного?

— Ты куда подевался? — раздался позади голос Джуры.

Бумын оглянулся и громко сообщил:

— Смотри, этот безумец продает людей.

— Людей? И сколько же они стоят? — Джура подъехал ближе.

Купец тут же начал расхваливать свой товар:

— О, высокородные! Взгляните на этот нераспустившийся цветок из страны эфталитов, она умеет расшивать шелковые ткани золотыми нитями, — толстяк указал пальцем на девочку в грязном платице, затем перевел палец на худощавого мальчика. — А этот потомок согдийских вельмож станет вам преданным слугой...

Чем больше торговец говорил, тем сильнее хмурился Бумын.

— Хватит! — наконец не выдержал он.

Работорговец умолк, удивленно хлопая глазами.

— Поехали отсюда, — сказал Джура, разворачивая коня.

Бумын хотел последовать за ним, но тут раб-мальчишка уцепился обеими руками за стремя и заговорил на незнакомом языке. Речь его была так выразительна, что понять несчастного ребенка не составило труда.

— Освободи его! — приказал Бумын и не узнал своего голоса.

Толстяк повиновался и, перерезав веревки, стал торопливо приговаривать:

— Всего сто серебряных монет, всего сто... за лучшего раба...

— Да как ты смеешь!..

Бумын рассвирепел, ударил торгаша плетью. И тут конь, почуяв настроение хозяина, рванул с места, вылетев с торжища. Лишь в степи удалось справиться с лошастью, и только тогда Бумын заметил, что раб-мальчишка все это время висел на стремени.

Вспышка гнева свежим ветром омыла душу и отрезвила рассудок Бумына, он ясно представил себе, в какую передрагу они влипли.

Джура догнал его, на ходу крикнул:

— За нами пошлют погоню! Надо уходить к реке, там мы скроем следы!

Его голос прозвучал твердо, это придало уверенности Бумыну. Он помог беглому рабу взобраться на коня. Тот, усевшись позади, вновь заговорил на непонятном языке.

Джура действовал с таким знанием дела, будто всю жизнь уходил от погонь. Бумына даже удивили скрытые способности

молочного брата. Правда, предпринятая мальчиками предосторожность оказалась напрасной.

Погони за ними не было, потому что по счастливой случайности свидетельницей этого происшествия стала Дэу-хунь-дивань. Она прогуливалась со служанкой по базару и заметила Бумына на коне. Девочка обрадовалась, увидев друга, направилась к нему, но едва подошла поближе, как все и случилось.

Скакун уже уносил Бумына в степь, а брюхатый торговец валялся в пыли, воя от боли и держась руками за ушибленную голову. Удар плетью пришелся по шапке, и крови не было. Купец поднялся, хотел позвать базарную стражу, но в этот момент к нему подошла Дэу-хунь-дивань и протянула увесистый кошелек.

— Эти деньги бросил всадник, купивший раба.

Хитро прищурившись, она громко добавила:

— Там должно быть гораздо больше, чем вы просили за свой товар.

Купец схватил кошель обеими руками. Как только он оказался у него, опытный торгаш по весу содержимого понял, что девочка права. Он быстро вынул пару монет и сунул ей в ладонь со словами:

— Вот возьми, только не шуми.

— Спасибо тебе, добрый человек.

Её лицо исполнилось сердечности, она прижала руку с деньгами к груди и участливо спросила:

— Он не больно ударил вас плетью?

— Да как ты можешь думать так плохо о таком щедром мальчике?! Все видели, что он стегнул плетью коня. Вот и ускакал на радостях. А тот раб все-таки стоит этих денег!

Купец подкинул увесистый кошелек в руке и мгновенно спрятал его в складках халата. Потом воровато огляделся по сторонам и начал торопливо сворачивать торговлю, показывая всем своим видом, что у него нет времени на пустые разговоры.

Несколько дней спустя Бумын и Джура узнали от друзей, что своим спасением они обязаны Дэу-хунь-дивань. Ведь кража рабов и скота наказывалась очень строго в Жужаньском ханстве. За такие преступления вора́м отрубали руки и даже головы. И еще неизвестно, чем могла закончиться эта история.

После того, как все благополучно улеглось, мальчики решили отблагодарить свою спасительницу. Они отправились к ней, взяв разноцветных шелковых тканей в подарок. Вместе с ними поехал

их новый друг, которого, как выяснилось, звали Ань. Впрочем, только это и удалось понять Бумыну и Джуре из всего, что он пытался им объяснить. Они не понимали его языка, а он не говорил по-тюркски.

Подъехав к буддийской пагоде, вся троица спешила, привязала коней у столба и вошла во двор через широкие ворота с разрисованной аркой.

Гостей встретил человек в накидке из желтого шелка. Он сложил перед лицом ладони, поклонился и замер в таком положении. Бумын и Джюра переглянулись, не зная, как им следует себя вести, но их спутник заговорил на своем языке.

Человек выпрямился, что-то ответил. Потом повел всех через задний двор. Они миновали конюшню и оказались в тесном дворике. Дэу-хунь-дивань вышла к ним, улыбнулась Бумыну, скользнула взглядом по Джуре и остановилась на незнакомце. Тот что-то сказал ей и, сложив перед лицом ладони, поклонился.

— Ваш раб родился в Согдиане, он из знатного рода Нопаньто, — перевела девочка.

— Он не раб, — поправил Бумын. — Мы пришли, чтобы поблагодарить тебя.

Дэу-хунь-дивань хотела изобразить на своем лице удивление, но ей это не удалось, и она рассмеялась. Мальчики тоже повеселели, и беседа оживилась.

— Ты на меня не сердись, ладно? Если теперь кто будет обижать, мне скажи. — Джюра протянул шелковые ткани. — Вот, возьми.

Дэу-хунь-дивань приняла от него подарок и мягко улыбнулась.

— А хотите увидеть Будду? — весело спросила она.

Все согласились, и девочка повела их в храм. Там она встала на колени перед изваянием. Мальчики последовали ее примеру. Лишь Джюра на мгновение замялся, но потом все-таки присоединился к друзьям.

Скульптура изображала человека с добрым лицом, который сидел на скрещенных ногах. Перед ним горел масляный светильник, вокруг были развешаны гирлянды из живых цветов, пол устлала лепестки красных роз.

Все молча рассматривали статую Будды, потом тихо вышли на улицу.

— Ну, как? — поинтересовалась Дэу-хунь-дивань.

Джура пребывал в прекрасном расположении духа, а в таком настроении он обычно хохмил. Его так и подмывало отпустить очередную шуточку, но он на всякий случай спросил:

— А ты не обидишься?

— Да говори уж, — девочка безразлично махнула рукой.

— Ваш Будда похож на шада Агына, — Джура залился заразительным смехом.

Все рассмеялись, даже ничего не понявший Ань хохотал. Потом молодая хозяйка напоила ребят чаем. Бумын и Джура пили этот напиток впервые, и Дэу-хунь-дивань рассказала им красивую легенду.

Однажды Будда уснул во время обсуждения государственных дел и пропустил важную часть разговора. Пробудившись, он сильно разгневался на себя и оторвал свои веки, чтобы отныне не спать. Будда бросил веки на землю, а они тут же проросли в виде куста, из листьев которого теперь делают этот напиток.

— На родине Будды чай пьют, чтобы не уснуть, — закончила Дэу-хунь-дивань.

Пока она говорила, Ань смотрел на нее не отводя глаз, но как только девочка замолчала и взглянула на него, гость тут же потупил взор и густо покраснел.

— Что с ним? — тихо спросил Джура у Бумына.

— Не знаю, может, это от чая?

Они тихо рассмеялись. Ань совершенно смутился, а молодая хозяйка заерзала на месте. Чтобы как-то сгладить неловкую ситуацию, Бумын сказал:

— Дэу-хунь-дивань, мы хотим попросить, чтобы ты научила Аня нашему языку.

— Это сделает мой отец, — ответила девочка и гордо повела плечами, но, взглянув на несчастного Аня, мягко добавила:

— Если вы позволите ему остаться, он может жить вместе с нашими монахами.

— Да пусть сам за себя решает, только ты спроси его, он хочет жить с монахами? — Джура гоготнул.

Девочка жеманно вздохнула, мол, выполняет эту просьбу исключительно из уважения к гостю. Она заговорила с Анем, после чего тот посмотрел на Бумына, прижал руку к груди и склонил голову в благодарном поклоне. Джура понимающе подмигнул ему, чем снова заставил смутиться нового друга.

И тут Дэу-хунь-дивань не выдержала насмешек. Наплевав на гостеприимство, она запустила в Джуру подушкой. Но он поймал ее на лету и стал прикрываться ею от сердитой хозяйки. Под общий смех она тщетно пыталась ударить его и, наконец, выбившись из сил, села на свое место.

Друзья весело провели время. Лишь поздним вечером Бумын и Джура вернулись в свой стан, оставив Аня в буддийском храме. Правда, очень скоро он навестил их и уже смешно выговаривал тюркские слова.

* * *

Однажды Ань сообщил Бумыну две удивительные новости. Шаман Хуньсюань собирался возглавить жужаньское посольство в империю Вэй⁴⁰. Это был первый случай в истории кочевников, когда духовное лицо выступало в светской роли. Второй новостью было то, что шаман оставлял в ханской ставке свою дочь. Дэу-хунь-дивань стала единственной девочкой, отданной по аманату хану Чеуну.

Бумын поначалу не поверил Аню, но его слова подтвердились. После чего хан Чеуну вызвал к себе Куржана. Он вернулся в приподнятом настроении, увидев Бумына и Джуру, седлавших коней, сказал им:

— Зайдите, надо поговорить.

Они вошли в юрту, и Куржан рассказал им о том, что хан Чеуну решил усилить свое государство.

— Первым делом он хочет договориться о мире с империей Вэй, лишь после этого Чеуну сможет расправиться с Гаогюем. Вот уже несколько лет пятитысячный отряд шада Агына сдерживает воинов Мивоту. Но тюрки не смогут удержать телеутов, если в поход выступит вся их армия. Чеуну хорошо понимает это, поэтому он не против того, чтобы западные границы Жужаньского ханства оберегал тумен наших воинов.

— Ого! Целый тумен! — воскликнул Джура.

— Это еще не все, — продолжил Куржан. — Воинам нужно оружие, доспехи и еда, поэтому Чеуну согласился не брать дань с Агына.

У мальчишек эта новость вызвала восторг. Ведь тюрки получили право усилить свою армию в два раза и при этом еще не платить

⁴⁰ В 513 году жужаньское посольство в империю Вэй возглавил буддийский шаман Хуньсюань.

дань. По сути дела это означало, что теперь они будут превосходить по своей силе многие племенные союзы Жужаньского ханства.

— Надо послать гонца к Агыну...

— Коке, лучше поезжай к нему сам, — сказал Бумын.

— Почему? — заинтересовался дядя.

— Отец оставит тебя, чтобы ты обучал новобранцев, а сюда он может отправить Каниша.

— Действительно, без меня Агыну было трудно все это время, а сейчас станет еще трудней, — согласился Куржан. — А ты уже вырос, Бумын. Начинаешь кое-что понимать...

Он весело подмигнул мальчишкам, потом все вышли из юрты. Отдав воинам короткие распоряжения, Куржан лихо вскочил в седло и в сопровождении десяти всадников выехал из стана.

Тернистый путь

В 515 году в империи Вэй к власти пришла императрица Ху Ши. Официально она была регентшей при малолетнем правителе Тоба И, но именно Ху Ши правила страной. Хуньсюань был приближен к ней.

Царственной особе нравился этот мудрый и миролюбивый человек. Она часто вела с ним светские беседы и от него узнала, что хан Чеуну поклоняется Будде. Её заинтересовала эта новость, и вскоре Ху Ши затеяла переговоры с жужаньским правителем. Наконец, в 516 году они пришли к тайному соглашению о мире.

Узнав об этом, Дэу-хунь-дивань решила поделиться новостью с Бумыном и выехала к нему вместе со своим постоянным спутником Анем. Молодые люди любили друг друга и не скрывали чувств, презрев досужие разговоры и сплетни. Согласие на их свадьбу должен был дать отец невесты. Он был далеко, но влюбленные надеялись, что Хуньсюань вернется, если Жужаньское ханство и империя Вэй официально заключат мирный союз.

Дэу-хунь-дивань с Анем приехали в тюркский стан на колеснице. Узнав, что их друзья уехали в степь, они отправились вслед за ними.

Бумын и Джура были в том возрасте, когда любой кочевник умеет натягивать лук⁴¹, и теперь юноши обучались искусству владения саблей и копьем⁴². Они часто выезжали в степь, где тренировались под зорким оком своего наставника Каниша. В тюркских кочевьях он слыл одним из самых лучших воинов.

Заметив колесницу, Бумын и Джура остановили поединок, вложили сабли в ножны. Они тяжело дышали, их бронзовые от загара тела покрылись потом.

— Вы чего деретесь? — испуганно крикнула Дэу-хунь-дивань.

Но, услышав вместо ответа мужской смех, она успокоилась.

— Да разве это драка? — с ухмылкой произнес Каниш.

Он подбросил шелковый платок, выхватил саблю и стал так ловко и быстро размахивать ею, что невозможно было уследить за его движениями. Подул легкий ветерок, и платок разлетелся на мелкие кусочки, а Каниш уже вложил саблю в ножны.

— Собери все лоскутки и убедись, что они одного размера, — гордо заявил он.

⁴¹ Натягивать лук — то есть стрелять из лука кочевники обучались с пятнадцатилетнего возраста.

⁴² Владеть саблей и копьем кочевники обучались в 17–18 лет.

— Не трать время, — весело сказал Ань, обращаясь к девушке. — Я сам не раз убеждался, что это правда. Своей саблей он любому сбреет усы под носом, а тот и глазом не успеет моргнуть.

Дэу-хунь-дивань восторженно посмотрела на Каниша. И после паузы рассказала Бумыну о важных событиях, отозвав его в сторону.

— Значит, теперь Чеуну выступит против Мивоту, — задумчиво произнес он в конце разговора.

Девушка удивленно посмотрела на него, но ничего не сказала, а чуть позже она убедилась, что Бумын был прав.

Жужаньское войско выступило походом на запад и вернулось с победой. Потом воины рассказали, как Чеуну разбил телеутов в долине Иртыша. Мивоту был взят в плен и казнен. Его ноги привязали под животом клячи, которую гоняли по степи до тех пор, пока Мивоту не умер от тряски.

Потерпев поражение, часть телеутов бежала к эфталитам. Их союз не сулил ничего хорошего Жужаньскому ханству, и Чеуну заключил мир с эфталитами, скрепив его династическими браками. Три сестры жужаньского бека Поломыня вышли замуж за эфталитских принцев и самого царя.

Упрочив свое положение на западе, Чеуну тут же обратился на восток. Он нанес поражение маньчжурскому племени дидэугань, подчинив его своей власти. А тем временем империя Вэй разгромила войско своего давнего врага — южной империи Лян.

Итак, Жужаньское ханство и империя Вэй извлекли свои выгоды из тайного мирного соглашения. Теперь правители могущественных держав решили заключить официальный мир.

В 518 году Чеуну отправил в Вэй посольство и богатые дары. В состав дипломатической миссии вошел Ань в качестве погонщика верблюдов. Бумын и Джура порадовались за друга, но больше всех была рада, конечно же, Дэу-хунь-дивань. Ведь Ань поехал просить её руки у Хуньсюаня.

* * *

Над империей Вэй занимался рассвет. Вспыхнула золоченая крыша дворца с приподнятыми углами, засияли купола, серебряные переплеты окон. На городской стене ударили в барабаны, и со скрежетом распахнулись главные ворота.

Люд предместий повалил в город, поднимая придорожную пыль.

— Уступите дорогу! — кричали воины, прокладывая путь жужаньским послам.

Ань вел девять верблюдов. В огромных тюках они везли подарки от хана Чеуну. На дворцовой площади посольство остановилось. Юноша отвел животных в тень деревьев и там уложил их.

— Надо разыскать шамана Хуньсюаня и сообщить ему о нашем приезде, — сказал один из послов.

— Позвольте мне это сделать, — тут же откликнулся Ань.

— Что ж, только поторопись.

За хорошую плату один из стражников согласился проводить Аня. Он повел его на окраину города по узким улочкам, что вились между глинобитных стен. У высокой ограды с деревянными воротами они остановились.

— Жди меня здесь, — сказал стражник.

Он ушел и через некоторое время вернулся, велел Аню следовать за ним. Они прошли просторный двор по дорожке, выложенной галькой. Затем миновали дом с резными колоннами и оказались в саду. Прошли дальше к открытой беседке. В ней на полу, подстелив под себя шерстяной коврик, сидел шаман Хуньсюань. Он нисколько не изменился, лишь глаза его потускнели от времени и смотрели на юношу рассеянным взглядом.

Ань присел перед Хуньсюанем на корточки, облизал пересохшие губы. Первым делом он сообщил ему о прибытии жужаньского посольства и уже хотел просить у Хуньсюаня руки его дочери, но старик торопливо поднялся и Ань промолчал, решив поговорить с отцом невесты чуть позже. Вместе они отправились на площадь.

Всю дорогу Ань поддерживал Хуньсюаня под руку, рассказывая ему о дочери, о ее друзьях. Старик, ступая по пыльным улицам, слушал его внимательно, улыбался и в конце пути остался доволен новостями.

Увидев буддийского шамана, жужаньские послы обрадовались и, обступив его со всех сторон, оттеснили Аня. Затем они скрылись в императорском дворце и вышли оттуда поздним вечером.

Ночью в доме Хуньсюаня состоялся пир по случаю успешно закончившихся переговоров. Из разговоров Ань узнал, что главный чиновник императора зачитал выговор хану Чеуну за «неточное исполнение вассальных обязанностей». Эта дипломатическая формулировка означала, что война между державами вспыхнула по нелепой случайности.

Однако главным результатом переговоров стало заявление регентши Ху Ши, что буддизм теперь будет объявлен государственной религией. На этой почве империя Вэй и Жужаньское ханство заключили мирный договор, который запрещал единоверцам поднимать оружие друг против друга.

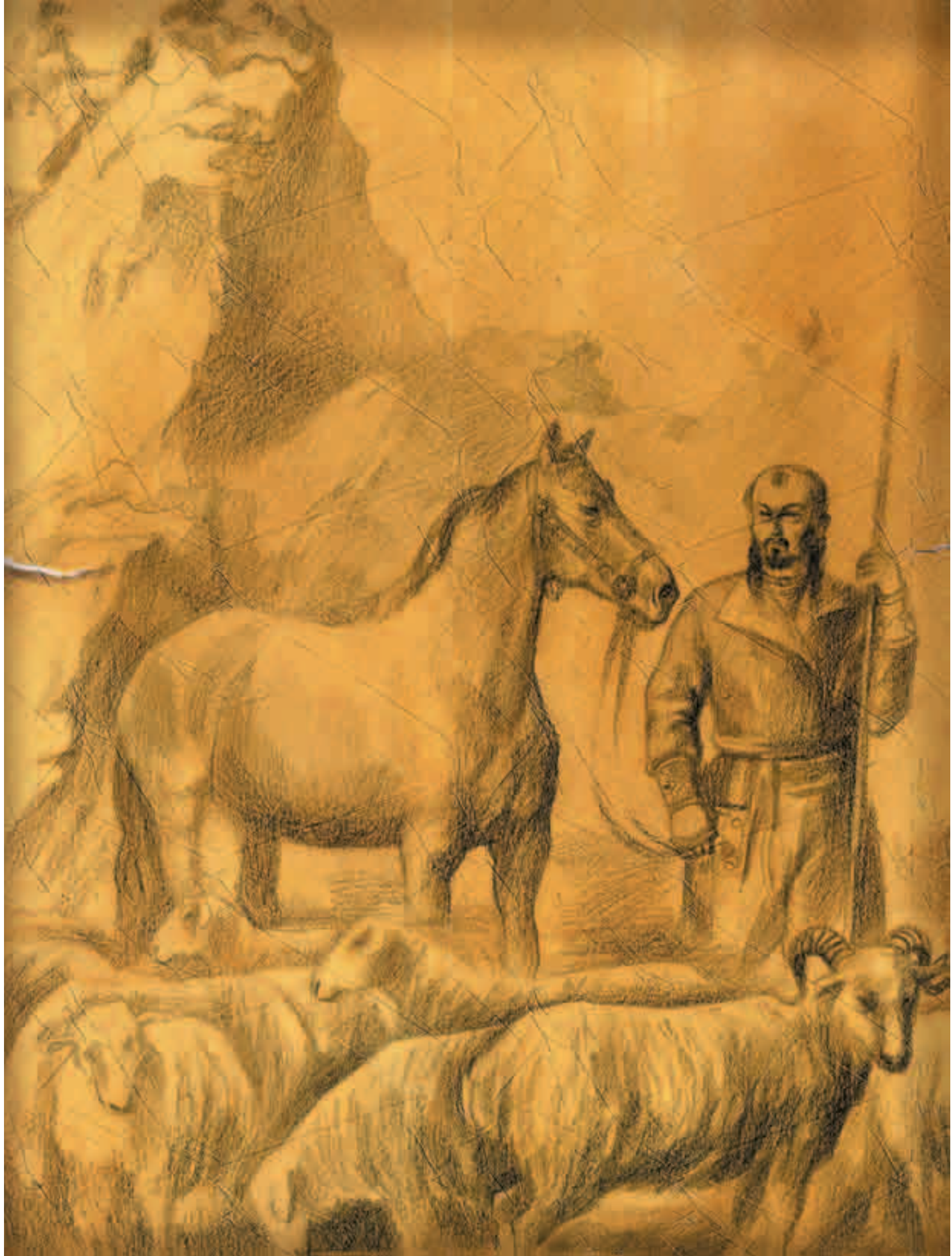
— Я постарел, — сказал Хуньсюань в конце пира. — Теперь мне стало трудно управляться с делами. Не мог бы хан Чеуну в знак признания моих заслуг отправить ко мне Дэу-хунь-дивань, чтобы она помогала мне?

— Мы передадим вашу просьбу хану, — ответил один из послов. — А пока с вами может остаться ваш будущий зять.

Он указал пальцем на Аня, который в этот момент готов был провалиться сквозь землю. Хуньсюань удивленно посмотрел на юношу и растерянно согласился:

— Да, да, конечно, конечно...

Расправа

Вот уже несколько лет Жужаньское ханство наслаждалось мирной жизнью. Кочевники пасли табуны и отары. В приграничных районах они обменивали скот на хлеб и зерно, на ткани и домашнюю утварь.

Бумыну казалось, что теперь огромная держава будет жить счастливо и богато. Ничто не предвещало беды, но однажды Дэу-хунь-дивань рассказала ему по секрету, что хана Чеуну пытались отравить.

Девушка знала рецепты снадобий, и ей удалось вылечить правителя. С той поры она стала заботиться о его здоровье, и Чеуну не отпустил ее к отцу. Хан выжил, но остался вопрос: кто мог желать ему смерти? Ответ на него стал известен в 520 году.

...В ту ночь в тюркском стане было тихо. У юрты во сне поскуливала собака. Сквозь дрему Бумын услышал голос Джуры.

— В ханской ставке творится что-то неладное...

Они вышли наружу: вдаль увидели всадников с факелами. Часть их собралась у белого шатра, еще часть стояла у буддийской пагоды.

— Может, там какой-то праздник? — сказал Бумын.

— Мы должны поехать, вдруг что-то случилось?

— Хорошо, я сейчас.

Бумын вошел в юрту, стал одеваться и тут он услышал:

— Быстрее, они подожгли храм!..

Бумын выскочил наружу, на ходу застегивая пояс, на котором висели кинжал и сабля. Юноши подбежали к коновязи, но там их остановил Каниш:

— Стойте! — раздался его голос.

Из темноты вышли воины.

— Что происходит?! — возмутился Джура.

— Возвращайтесь обратно. Пусть жужане сами решают, кто будет ханом.

— И кто же им будет? — Бумын напрягся.

— Анахуань...

— Ты знал? Почему же нам не сказал?! — удивился Джура.

— Вы могли предупредить Дэу-хунь-дивань, а она могла предупредить Чеуну.

Эти слова тупой иглой вонзились в душу Бумына.

— Что с ней?! — вспыхнул он.

И, выхватив саблю, двинулся на Каниша. Тот даже не пошевелился, лишь громко произнес:

— Я выполняю приказ шада Агына!

— Бумын, не надо!.. — в оклике Джуры прозвучала мольба.

Бумын остановился, сжимая рукоять сабли. Потом бросил ее под ноги, развернулся и побрел в юрту, опустив голову. Джура шел следом.

Они молча сидели у очага, понимая, что недавняя вспышка гнева могла обернуться трагедией для всего тюркского стана, а, быть может, и для всех жителей Отюкенской Черни.

— Мы ничего не можем сделать, даже когда на наших глазах убивают друзей! — зло произнес Бумын.

Он скрипнул зубами, на лице задвигались желваки. Джура прикрыл ладонями лицо, его плечи вздрогнули, и раздался приглушенный вой.

Под утро к ним зашел Каниш, присел рядом, положил перед собой брошенную Бумыном саблю. Не поднимая глаз, сообщил:

— Ночью Дэу-хунь-дивань удавили по приказанию ханши-матери, а хана Чеуну зарезали в собственной постели.

Услышав о ханше-матери, Бумын вспомнил эту мерзкую старуху с масляным блеском в щелочках хитрых глаз на розовом, как коровье вымя, лице.

— Значит, это она распоряжается нашими жизнями? — прошипел он.

— После смерти Дэу-хунь-дивань ханша-мать может расправиться с её друзьями. Мы должны уходить, пока они тут грызутся.

— Грызутся? — Джура зло ухмыльнулся.

— Бек Шифа... — Каниш замялся, размышляя, стоит ли говорить об этом, но потом продолжил:

— Шифа собирает воинов и хочет отомстить за смерть Чеуну.

— Может, мы поедem к нему? — с надеждой спросил Бумын.

— С кем тюрки будут объединяться и кого поддерживать, решать не тебе! — Каниш слегка повысил голос. — Это решает шад Агын!

— Все равно за нами пошлют погоню, — буркнул Джура.

— Посмотрим, может, все обойдется. Я отправил гонца к Агыну. Как только он обо всем узнает, наши воины выедут к нам навстречу.

Каниш помолчал, потом сказал твердым голосом:
— И знайте, что вы уже не мальчишки, а воины! Понятно?!
Юноши виновато закивали головами.

* * *

Над империей Вэй воцарилась ночь. На узких улицах было темно и тихо. За толстыми стенами домов спал простой люд, но в императорском дворце никто не смыкал глаз. Там светились окна, за ними мелькали тени. Потом внутри все успокоилось.

На площадь вышел офицер и начал отдавать приказы собравшимся стражникам. Они стали группами уходить в темноту городских улиц.

Хуньсюань сидел за низким столиком, перед ним лежала книга, горел масляный светильник. Он листал страницы, скользя взглядом по иероглифам.

С улицы слышались громкие голоса, затем кто-то постучал в ворота. Скрипнули петли, под ногами заскрипела галька. На пороге дома появились пятеро стражников. Они молча схватили Хуньсюаня и поволокли его к выходу.

Ань бросился защищать старика, но, получив удар по голове, провалился в чернильный мрак, а когда очнулся, его тело ломило от боли и слабости, внутри стоял сухой жар.

Тусклый свет сочился в отверстие под потолком. В тесном помещении был прогорклый, затхлый воздух. Ань нащупал липкую холодную кровь. И тут же все вспомнил. Он приподнялся на локтях, в сумраке заметил Хуньсюаня. Шаман сидел перед ним на скрещенных ногах: седой, с худым болезненным лицом, он, кажется, был равнодушен ко всему на свете.

— Где мы? — спросил Ань.

— В тюрьме, — старик пошевелился. — Тоба И захватил власть, он арестовал свою мать Ху Ши и нас заодно с ней.

Аню стало страшно и тоскливо.

— Но все это уже не имеет для меня никакого значения... — Хуньсюань тяжело вздохнул.

Ань затаил дыхание. Он вдруг понял, точнее, почувствовал, что старик сейчас скажет ему нечто ужасное. И тут он услышал:

— ...Моя дочь Дэу-хунь-дивань умерла...

Каленой стрелой эти слова ударили в сердце юноши. Он уронил голову на холодный пол.

Воцарилась такая тишина, что Аню показалось, будто он слышит, как льются слезы из глаз Хуньсюаня. И несчастный юноша тоже заплакал. Боль в теле лишь добавила страданий и злобы, которая, в свою очередь, придала ему силы. Он присел на корточки, утирая слезы. Халат на нем пропитался кровью, ткань шуршала, будто плохо выделанная кожа.

Ань обхватил голову руками, пытаясь унять боль и прийти в себя. Как много изменилось в этом мире всего за одну ночь! Юношу тяготила мысль о потере близкого человека, и это придало ему твердости.

— Я буду любить Дэу-хунь-дивань всю оставшуюся жизнь!

Ань вскинул голову и, встав на колени, продолжил:

— Почтенный Хуньсюань, благодарю вас за то, что вы отдали мне в жены Дэу-хунь-дивань и благословили нас! Но теперь я прошу вас удостоить меня монашеского сана...

Бегство

В полдень ветер пригнал серые облака, и редкие капли дождя оповестили о приближении ненастья.

— Вечное Синее Небо благоволит нам! Дождь скроет наши следы, — Каниш сел на коня и повел всех за собой.

Четыре сотни всадников вошли в реку. Лошади долго шли по самое брюхо в воде. На горизонте показались свинцовые тучи, донеслись раскаты грома. Надвигалась гроза. Сумерки сгущались. Добравшись до тальниковых зарослей, все вышли на другой берег. Проехали вдоль реки. Остановились. Бумын огляделся. Дальше рос кустарник, перемежаясь с высокой травой. По ней Каниш велел всем ехать веером и стал уводить воинов в степь.

Только отъехали от реки, как дождь усилился. Крупные капли звенели по железным шлемам, шлепали по крупам коней. С шага перешли на рысь, затем на галоп. Яркий свет молний зловещими сполохами освещал путь.

Под утро дождь утих, изрядно измотав и людей, и животных, Каниш объявил привал, выставил караулы. Кони стояли, фыркая и отряхивая мокрые гривы. Их расседлали, стреножили и пустили пастись. Костров не разводили.

Пустынно было в степи, она выглядела необитаемой. Казалось, даже птицы и звери покинули эти края, чтобы переждать тревожное время.

Бумын прилег на сырую попону, но долго не мог уснуть. Неясное беспокойство занимало его мысли. Он вспомнил Дэухунь-дивань и прикрыл глаза, чтобы сдержать слёзы. Её потеря была тяжелым ударом судьбы, который не сломил его, но все же изменил: он стал другим человеком, более сдержанным и твердым. Но лишь со временем эти черты характера сформируют его натуру...

В полдень из степи прискакал всадник — Анахуань послал погоню, около тысячи воинов движутся за ними. Все бросились седлать коней. Подъехал Каниш, обращаясь к Бумыну и Джуре, крикнул:

— Скачите в аул, я задержу их.

— Мы останемся! — Бумын вскинул голову.

Каниш грубо выругался, махнул рукой, мол, чего зря время терять. Он приказал воинам сбросить седельные сумки, подготовиться к сражению. Потом выстроил всех так, чтобы две сотни составили крылья, а две другие — центр и резерв.

— Лошади под жужанями устали. Когда они бросятся в атаку, мы отступим, растянем их по степи, потом навалимся все разом и уничтожим авангард. А там посмотрим... — объяснил Каниш план действий.

— А если ударить по ним из засады? — предложил Бумын

Каниш строго глянул на него, ничего не ответил. Осмотрел округу, заметив всхолмленную местность, сухо приказал:

— Возьмешь сотню Актая и спрячешься вон за теми холмами. Мы заманим жужаней туда.

Бумын, бросив взгляд на холмы, взбодрился, развернул коня и повел воинов. Только укрылись, как на горизонте появилось пыльное облако, донесся топот копыт.

— Их точно не меньше тысячи, — произнес Актай.

Потом, взглянув на солнце, добавил:

— Каниш будет уходить вдоль левого края холма.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовался Джура.

— Тогда солнце будет бить жужаням в глаза, и они не сразу заметят нас, — пояснил сотник. — Но Канишу надо задержать их, чтобы солнце немного склонилось.

— Значит, он отступит не сразу? — тревога прозвучала в голосе Бумына.

— Не переживай, Каниш своё дело знает, — успокоил Актай.

С вершины холма они наблюдали за происходящим. Жужане замедлили бег, остановились. От них отделился всадник, ему навстречу выехал Каниш. Они о чем-то поговорили, затем разъехались.

Жужани перестроились, только приготовились к наступлению, как Каниш вновь направился к ним. Выехал на середину, что-то прокричал, угрожая копьем. Тут же на него двинулся жужаньский воин. Начался поединок.

Всякий раз, когда противники сходились, раздавались возгласы воинов с обеих сторон. Но последняя стычка вызвала одобрительные крики только в тюркских рядах. Жужанин лежал на земле, а Каниш, потрясая копьем, опять вызывал на поединок. На него ринулся другой соперник.

— Ну, что я говорил?! — усмехнулся Актай.

— Да так он всех жужаней по одному перебьет! — рассмеялся Джура.

Правда, когда Каниш уложил на землю пятого воина, вражеский строй дрогнул и понесся на тюрков. Завязалась битва.

— Чего он тянет! — не выдержал Бумын.

— Нельзя, — со знанием дела произнес Актай. — Жужане могут учуять подвох.

Тюрки сдерживали напор. Наконец, по сигналу они развернули коней и стали уходить от врага, изображая бегство.

— Пора, — скомандовал Актай.

Он сбежал вниз, впрыгнул в седло. Бумын и Джура последовали его примеру. Сотня приготовилась к атаке, ожидая команды.

Воины Каниша уходили от погони, двигаясь к левому краю холма, как и предсказывал Актай. Бумын выжидал за его спиной. Из степи, нарастая, приближался стук копыт, и сердце в груди забилось в такт.

Пронеслись мимо первые всадники, вздымая пыль. Вслед за ними в пыльном облаке замелькали остальные. Затем показались жужане. Бумын заметил, что у них в руках были только луки, сабли они вложили в ножны, копья и вовсе бросили на поле битвы. Ведь во время погони копьё мешают.

Свистели стрелы, падали на землю лошади и люди. Бумын крепче взялся за щит, удобней перехватил копьё. Наконец, Актай с криком «Ура!» рванулся вперед, и вся сотня вылетела из засады. Они вошли в войско противника, как нож в масло, развалив его надвое.

Жужане не ожидали нападения, растерялись. Ударом копья Бумын встретил налетевшего на него всадника, и наконечник застрял у того в груди. Бумын выпустил копьё, выхватил саблю. Из пыльного облака выскакивали воины с кривыми от ужаса лицами. Они бросали луки, пытались выхватить сабли, но не успевали. Бумын рубил их, и бездыханные тела один за другим падали на землю с глухим стуком.

Тем временем Каниш уже развернул своих воинов и обрушился на авангард жужаньского войска. Вскоре он пробился к Бумыну и Джуре. Значит, с авангардом было покончено. Тюрки усилили натиск, и уцелевшие жужане рассеялись по степи.

После короткого преследования, тюрки стали съезжаться в стан. Горели костры, стонали раненые. Бумын и Джура, не торопясь, проехали мимо пленных. Те сидели связанные по двое спиной к спине.

Бумын слез с коня, стреножив его, пустил пастись. Прошелся по лагерю. Заметив Каниша, направился к нему. Он сидел у костра вместе с сотниками.

— Мы потеряли полсотни воинов, у нас много раненых, — говорил Актай. — Что делать с пленными?..

— Надо отпустить их, — сказал Бумын, присаживаясь.

— Отпустить? — Каниш сдвинул брови на переносице.

— Мы заберем у них оружие, но оставим коней. Пусть возведут погребальный костер и достойно проводят в последний путь всех павших воинов. А нам надо уходить, но мы заберем с собой раненых: и своих, и жужаней!

Воины встретили слова Бумына одобрительным гулом. И Каниш не стал тянуть. Он приказал развязать пленных, на двоих из них велел дать по одной лошади. Тяжело раненных уложили на специальные носилки, устроенные между конями, и вскоре выехали в путь.

У подножий Алтая их встретил тархан Куржан во главе двухтысячного отряда. Он обрадовался, узнав о победе над жужаньским отрядом, и вместе с тем удивился, увидев жужаней среди раненых.

Правда, когда Куржану рассказали, какое решение принял Бумын, он признал, что его племянник поступил благородно.

Развели костры, отдыхали после долгой дороги.

— Теперь, кроме Шифы, у Анахуаня появился еще один враг — это наш шад Агын, — Куржан зло ухмыльнулся.

Бумын сидел у костра, поджаривал куски мяса, неторопливо ел.

— Нам надо объединиться с Шифой, — сказал он.

— Это будут решать вожди десяти тюркских родов, — ответил Куржан.

— Пока они соберутся и что-то решат, Анахуань расправится с Шифой, а потом примется за нас, — возразил Бумын. — Отец должен принять решение сам, пока не поздно.

— Так чего же ты сидишь? — усмехнулся дядя. — Поезжай, убеди его!

Джура солил куски жареного мяса и кидал в рот. В последние дни он говорил мало. Вот и сейчас во время разговора не проронил ни слова.

— Поехали, — сказал он Бумыну и отложил в сторону недо-
еденный кусок мяса.

Они встали. Оседлали лошадей и быстро умчались.

Над куполами юрт мирно вился кизячный дымок, словно пря-
жа из-под веретена. Увидев эту картину, Бумын придержал коня. Он вдруг вспомнил то снежное туманное утро, когда вместе с дядей Куржаном они добирались в аул рода Ашина. Потом были тихие лунные ночи, песни шаманов, теплый домашний очаг...

Сколько лет минуло с тех пор? Казалось, ничего не изменилось в родных краях. Всюду виднелись приятные взору пологие холмы и горы, покрытые лесом, а меж ними речные долины с густой и высокой травой. Белоснежные вершины поражали своим величием. Все дышало спокойствием и уютом. Но сам Бумын изменился: он вырос и окреп. Юноша осознавал это, а вместе с тем понимал, что его сородичам угрожают воины Анахуаня. От этой мысли у него сдавило сердце. Он тяжело вздохнул, взглянул на Джуру. Тот хмуро раскачивался в седле.

У юрты отца их встретила Кулан. Рядом с ней стоял мальчик. Бумын понял, что это был его младший брат Истеми. Он знал о его рождении, но увидел впервые. Братишка таращил на него любопытные глазки, держась за полу халата матери.

Бумын сошел с коня, поклонился Кулан, поднял братишку на руки и нежно понюхал его волосы. Потом, опустив мальчика на землю, прошел в юрту вместе с Джурой.

Агын встретил их, как подобает шаду тюрков, а не отцу. Юноши отказались от угощения, лишь выпили прохладного кумыса⁴³. И Бумын перешел к делу. Агын внимательно выслушал сына. Когда тот закончил, шад подался вперед, уперся ладонью в колено.

— Шифа уже прислал гонца, просил поддержать его.

Бумын и Джура обрадовались известию. Правда, следующая фраза Агына заставила их задуматься.

— Только какая тюркам выгода, если мы поддержим его?

Юноши переглянулись, не зная, что ответить. Агын, выдержав паузу, сам ответил на свой вопрос:

⁴³ Кумыс — напиток, приготовленный из кобыльего молока.

— Выгоды никакой, но и спокойствия не будет, пока Анахуань правит ханством. Тюрков слишком мало, чтобы противиться его воле, поэтому мы сохраним Анахуаню верность, но мы вправе отомстить ему за пролитую кровь. Закон Степи на нашей стороне! Месть — это святое чувство, и никто не вправе останавливать тех, кто потерял родных и близких в стычке с воинами Анахуаня!

Шад тюрков откинулся назад, упершись спиной в войлочную стену. Бумын и Джура поняли, что разговор закончен. Они молча встали, вышли из юрты. Теперь перед ними было два пути: остаться вместе с родным народом и простить обиды Анахуаню или выступить против него, но в этом случае они должны покинуть Отюкенскую Чернь.

И Бумын выбрал второй путь, хотя тут он разошелся с отцом.

Благородные волки

Около тысячи всадников собрались у Черных Камней. Почти все они были еще очень молоды, но каждый из них твердо решил отомстить жужаням за пролитую кровь сородичей, за погибших братьев и отцов.

Бумын проехал вдоль строя. Подростков он отправил домой, остальным велел разбиться на десятки и сотни. Лишь после этого все двинулись в путь.

Бумын рассчитывал на Каниша и не ошибся. В дороге он присоединился вместе с воинами, уцелевшими после стычки с жужанями.

Несколько дней они ехали вверх по реке, пробираясь к сосновому лесу. Затем Каниш повел всех звериными тропами. Он не знал точно, где находится лагерь бека Шифы, но все полагались на его опыт.

Неожиданно конь набрел на свежую стезю. Заметив это, Каниш бросил поводья на луку седла, и лошадь пошла сама. Выехав на широкую луговину, воины огляделись. Деревья окружали их с трех сторон, а с четвертой из земли выпирала серая скала.

К ним навстречу выехал воин. Узнав, что они едут в лагерь Шифы, он вывел всех к горной долине. Её охватывали крутые скалы, вся она была заставлена войлочными юртами и палатками. Всюду разъезжали всадники. Огромный белый шатер стоял в центре стана. У входа в него развевались знамена и туги союзных племен и родов, а в середине, выше других, возвышался стяг бека Шифы.

Бумын в сопровождении Каниша и Джуры вошел в белый шатер. Весть о победе над жужаньским отрядом уже опередила их и, когда они появились внутри, раздались восторженные возгласы. Бек Шифа поочередно обнял каждого из них, потом сказал:

— Рад видеть вас, благородные волки! Готовьтесь, завтра мы идем на Анахуаня!

На рассвете раздалась барабанная дробь. Вдоль строя проехал бек Шифа. Конь под ним приплясывал, зло рвал поводья, роняя на землю хлопья белой пены. После короткой речи Шифа возглавил двадцатитысячное войско, и черным потоком всадники стали вытекать из горной долины.

Пять дней армия двигалась по всхолмленной степи. Сухая степь гудела под копытами коней. Далеко впереди мелькали дозоры,

доставляли вести гонцы. Всю дорогу настроение у воинов было приподнятое, будто они ехали не на войну, а на праздник.

Вечером подъехали к месту битвы. Вражеское войско дожидалось недалеко от ханской ставки, и это говорило о нерешительности Анахуаня. Очевидно, он не рассчитывал на легкую победу, поэтому не стал выезжать далеко в степь. В случае поражения хан с остатками войска мог укрыться в хорошо укрепленной ставке.

Бумын внимательно разглядывал строй противника. Он напоминал огромного орла, раскинувшего свои могучие крылья. Правое крыло упиралось в берег реки, левое стелилось по равнине, а туловище составляли ударный полк и резервные тысячи. На первый взгляд могло показаться, будто враг неуязвим. Однако, приглядевшись, Бумын заметил низину, которую сложно было увидеть с того места, где стояла армия Анахуаня. И тут он вспомнил, что к этой низине можно незаметно пробраться оврагами. Бумын задумался.

После заката солнца собрался военный совет. Командиры тысяч обсуждали план действий.

— Силы у нас примерно равны, — говорил бек Шифа. — Дадим Анахуаню атаковать нас первым. Пусть его войско растянется по равнине. Жаль, засады устроить не удастся, здесь даже сотню негде укрыть...

— Можно обойти Анахуаня и ударить в спину! — раздался густой бас. — И тогда он попадет в западню, как горсть зерна между жерновов!

Бумын взглянул на того, кто произнес эти слова, и увидел пожилого, но крепкого телом мужчину. Его узкие рысьи глаза хранили спокойствие.

— Уважаемый бек Кутуз, — обратился к нему Шифа. — Если Анахуань обнаружит тебя в тылу, он уничтожит твоих воинов быстрее, чем мы успеем прийти на помощь.

— Тогда надо сделать так, чтобы он не обнаружил нас раньше времени, — все так же спокойно произнес Кутуз.

Всем понравился его ответ, слышались одобрительные возгласы.

— Что ж, хорошо, — согласился Шифа. — Сколько тебе нужно воинов?

— Половину тумена.

— Столько всадников не сможет приблизиться к Анахуаню незаметно, — возразил Бумын. — Но две тысячи легко пройдут оврагами к низине, там их никто не увидит. Только идти надо ночью.

Мы с Джурой росли в этих краях и знаем здесь каждый холмик, каждый куст.

Кутуз внимательно посмотрел на Бумына и улыбнулся.

— Я слышал, ты мастер устраивать засады, — весело сказал он.

— Это было только один раз, — смутился Бумын. — Но сейчас тоже все должно получиться.

— Тогда веди нас! — смех Кутуза сотряс походный шатер.

К ночи обо всем договорились, и две тысячи воинов выехали из стана Шифы. В поле Бумын велел всем остановиться, приказал обмотать тряпками копыта коней, сбросить седельные сумки. Вперед он отправил сотню во главе с Джурой прокладывать безопасный путь для всего отряда. Лишь после этого Бумын тронул коня и повел всех кружным путем.

По оврагу пришлось идти, ведя коней под уздцы. Заметив вдали одинокий огонек, остановились. Ждать пришлось не долго: в ночи раздался волчий вой — то Джура подал Бумыну условный сигнал: значит, путь был свободен. Все двинулись дальше.

У костра лежали связанные жужаньские воины с кляпами во рту. Проходя мимо них, Кутуз презрительно сплюнул на землю. Из темноты вышел Джура, в свете пламени стало заметно, что одежда на нем залита кровью.

— Один чуть не ушел, пришлось догонять, — произнес он. — Теперь все тихо, до самой низины путь свободен.

— Молодец! — Бумын хлопнул Джуру по плечу. — Останешься здесь, устроишь засаду, утром караул могут сменить.

— Я уже все сделал, сюда даже муха не пролетит, а если пролетит, то не вылетит.

На рассвете издалека донеслась барабанная дробь, ей в ответ отозвалась другая, но уже ближе. Бумын, Каниш и Кутуз осторожно высунулись из низины.

Два войска стояли друг против друга. Первыми в атаку пошли воины Анахуаня. Его ударный полк, выстроившись клином, покатился по равнине и тяжело вошел в центр армии Шифы. Гул битвы разлетелся над степью. Почти сразу два крыла вражеского войска выступили вперед. Земля задрожала, шум усилился.

До самого полдня Шифа держится стойко, хотя правое крыло его армии откатилось к самой реке. Еще немного — и Анахуань бросит туда резервные тысячи, чтобы отрубить крыло от главных сил и уничтожить его. Как только это произойдет, воины Бумына

вылетят из засады. Именно таким был план, который приняли на военном совете.

И вот он долгожданный миг! Бумын надел на голову железный шлем, провел рукой по нагрудным пластинам. Взяв в руки щит и копьё, велел развернуться лавой, чтобы врагу казалось, будто воинов у него больше, чем было на самом деле. С криком «Ура!» они вылетели на равнину. Их появление стало полной неожиданностью для Анахуаня. Он уже выслал вперед резервные тысячи и остался лишь в окружении личной свиты. Ему пришлось разворачивать резервные тысячи и ослабить напор на Шифу. Эти действия внесли беспорядок, и атака хана захлебнулась.

Бумын прорывался к Анахуаню и уже видел перекошенное от испуга лицо хана, как путь к нему вдруг преградил жужаньский воин, который увернулся от копья и рубанул саблей. Бумын вовремя подставил щит. Удар был такой силы, что чуть не выбил его из седла.

Пришлось осадить коня и вновь броситься на ловкого врага. В какой-то миг он снова готов был нанести Бумыну опасный удар, но в воздухе просвистел аркан. Петля захлестнулась на шее жужаньского воина, тот захрипел и упал на землю с глухим стуком. Бумын оглянулся и увидел конец аркана в руках Кутуза.

Шифе удалось опрокинуть ударный полк Анахуаня. Это решило исход сражения. Враги побежали. Они переправлялись на лошадях через реку, уносились в степь. Лишь поздней ночью битва стихла.

Из последних сил Бумын въехал в лагерь, расседлал и стреножил коня, пошатываясь от усталости, подошел к костру. Там прилег на чью-то попону и сразу уснул. Среди ночи проснулся. Рядом кто-то храпел в самое ухо. Наверное, это был хозяин попоны. Бумын лишь повернулся на другой бок и снова уснул.

А наутро по лагерю пронеслась весть: Анахуань бежал в империю Вэй. Вместе с ним бежали все его жены и дети. Что не смог взять с собой, он велел свалить в кучу и поджечь.

Еще издали Бумын увидел, как столб смрадного дыма ввинчивался в небо. Вместе с Джурой они проехали туда, где когда-то стоял буддийский храм. Теперь на том месте было пепелище. Им удалось найти обгоревшую статую Будды, которую юноши увезли в родной аул как добрую память о Дэу-хуань-дивань.

Как только Бумын вернулся в Отюкенскую Чернь, из Степи долетели тревожные вести: после захвата ханской ставки бек Шифа

распустил войско, оставив лишь три тысячи воинов. Ситуацией воспользовался бек Поломынь, родной дядя беглого хана Анахуаня. Собрав своих сторонников, он разбил Шифу. Тот бежал к маньчжурскому племени дидэугань и там скончался. Устранив конкурента, Поломынь взомел на престол и принял ханский титул.

Новый правитель Жужаньского ханства был непомерно властолюбив. За малейшие проступки он беспощадно казнил вождей, истреблял людей целыми аулами, разорял племена. Кочевники спасались от его произвола.

Однажды в аул рода Ашина прибыли беженцы во главе с беком Кутузом. Они искали защиты у шада Агына. Бумын просил отца принять их и оказать помощь. Выслушав сына, правитель тюрков позволил беженцам поселиться в своих владениях. Правда, как подобает вассалу жужаньского хана, он послал гонца к Полоньюму, чтобы доложить ему о своем решении.

Ответ хана можно было предсказать, и это беспокоило Бумына. Как-то вечером он выехал с Джурой в горы, чтобы развеяться от тяжелых мыслей. В дороге они повстречали незнакомого всадника. Он был без оружия, одет в длинный табгачский халат с накинутым на голову башлыком. Вид у него был совсем юный, взгляд строгий, но не враждебный. К седлу коня был приторочен мешок с собранными в лесу шишками.

— Эй, жигит, ты, должно быть, из рода Кутуза? — весело спросил Джура.

Всадник утвердительно кивнул.

— Немой что ли? Или испугался?

— Мне нечего бояться.

Всадник тронул коня. Дальше они поехали вместе.

— Смелый, значит, — продолжил Джура. — Поэтому саблю с луком оставил дома? Или отобрал кто?

Всадник тихо рассмеялся, и Джура, уловив настроение спутника, заговорил с ним как с давним приятелем.

— Слушай, в вашем ауле есть девушка, ее Корлан зовут. Передай ей привет от Джуры.

— Значит, ты и есть Джура? — всадник с любопытством взглянул на него. — А тебя, наверное, зовут Бумын?

Бумын молча кивнул в ответ.

— Слышал про нас?! Ну да ладно... — Джура нетерпеливо заерзал в седле. — Если скажешь Корлан, что я буду ждать её ночью на

реке у старой ивы, то получишь от меня в подарок хороший лук и колчан стрел, понятно?

Всадник надменно усмехнулся и, обращаясь к Бумыну, спросил:

— А от тебя никому ничего не надо передавать?

— Нет, — коротко ответил Бумын.

— Неужели никого не приметил в нашем кочевье?

Всадник явно подтрунивал над Бумыном, и он пристально посмотрел на него. Приглядевшись, увидел легкий румянец на щеках, пухлые алые губы и возбужденно поблескивающие глаза. Мгновение они смотрели друг на друга, а потом расхохотались.

Лишь Джура изумленно смотрел на девичью косу, что выпала из-под башлыка на грудь всадника, а точнее всадницы. Выяснилось, что девушку звали Каньча. Она была старшей дочерью бека Кутуза.

Бывает, сердца сливаются, как две капли дождя. Так случилось и на этот раз! Неожиданная встреча заставила Бумына позабыть на короткое время о неприятностях, о которых он вспомнил, когда гонец доставил приказ хана Поломыня: «Беглецов изгнать, Кутуза — казнить!»

Выслушав гонца, шад Агын зло ухмыльнулся, обвел взглядом собравшихся. Слева от него сидели Бумын и Джура, справа — Куржан, Каниш и Кутуз.

— Уважаемый шад Агын, я готов умереть, но как воин, — раздался густой бас.

— Мы вместе встретим воинов Поломыня, если они выступят против нас. — Агын взглянул на Бумына, затем перевел взгляд на Кутуза и произнес:

— Я слышал, у тебя есть красавица дочь.

Рысьи глаза бека сузились, он расплылся в широкой улыбке, догадываясь, к чему клонит шад Агын. Мужчины оживились.

— Так что ты нам скажешь, Бумын? — нетерпеливо спросил Агын.

— Ну... — юноша замялся. — Каньча вроде бы согласна стать моей женой...

— Вроде бы... — передразнил Куржан. — Перед тобой сидит ее отец, вот как он скажет, так и будет!

Бумын прижал правую руку к груди и произнес:

— Уважаемый бек Кутуз, я хочу жениться на Каньче и прошу благословить нас.

— Будьте счастливы, дети мои! Пусть ваша свадьба положит начало мирному союзу тюрков и сиров⁴⁴! — пробасил отец невесты.

А Агын громко добавил:

— Теперь в союз десяти тюркских родов вошел еще один — одиннадцатый род!

Эти слова вызвали общий восторг. Только тогда Бумын понял, почему отец и дядя затеяли этот разговор именно сейчас и чем было вызвано их нетерпение. Ведь согласно степному закону родственникам запрещалось не только обнажать оружие друг против друга, они обязаны были вместе биться с врагами. Поэтому после свадьбы Бумына на дочери бека Кутуза у шада Агына появились все основания для того, чтобы отказаться выполнить приказ Поломыня.

Этот благородный и мудрый поступок возвысил правителя тюрков в глазах кочевников, а вместе с тем подхлестнул новую волну миграций. Вскоре еще несколько аулов племени адийе⁴⁵ переселились в Отюкенскую Чернь, создав единый род, который вошел в племенной союз тюрков.

Хан Поломынь не мог спокойно наблюдать за усилением тюрков. Он решил организовать поход на них. Правда, история распорядилась иначе.

К тому времени хан Ифу, младший брат покойного телеутского правителя Мивоту, восстановил государство Гаогюй. Он собрал армию и выступил против жужаней. Тюрки не стали чинить телеутам препятствий.

Ифу разбил Поломыня. Тот бежал в империю Вэй, где вскоре умер. К власти в Жужаньском ханстве на короткое время пришел Синифа, но под давлением телеутов осенью 521 года он тоже вынужден был бежать в империю Вэй.

Огромная страна осталась без правителя. Претенденты на власть объявились вскоре и повели войну между собой. Внутренние противоречия раздирали Жужаньское ханство изнутри. На дорогах объявились разбойники, они грабили караваны, угоняли скот. Наступили смутные времена.

* * *

Отюкенская Чернь жила будничной жизнью вдали от событий, бушевавших в Степи. В пору осенних дождей с поросших склонов ветер гнал в долину запах мокрой коры и прелой листвы.

В то утро Каньча разбудила Бумына и попросила его позвать повитуху. Значит, пришло время появиться на свет их первенцу!

⁴⁴ Сирь — древнее название кипчаков.

⁴⁵ Адийе — древнее кочевое племя, в письменных источниках оно также встречается в написании — «эдиез».

Бумын вышел наружу, мигом пересек аул, подошел к самой крайней юрте и, откинув войлочный полог, громко крикнул. Заспанная старуха собиравшись так долго, что он успел навестись к жене и снова вернулся, чтобы поторопить.

Повитуха выползала, кряхтя и возмущаясь таким бесцеремонным приглашением, а потом вразвалочку поплелась по селению, словно утка. Бумын шел рядом, подхватив её под руку. В конце он почти затолкнул старуху в юрту и стал расхаживать поблизости, заложив руки за спину.

Постепенно собирався народ. Люди уже поздравляли Бумына с рождением первенца. Соблюдая приличия, он старался выглядеть спокойным ровно настолько, насколько это позволяют нервы, когда слышишь крики любимого человека.

И вдруг все стихло. На мгновение воцарилась тишина, а потом раздался дребезжащий плач младенца. Родился мальчик. Когда Бумын принял его на руки, то почувствовал, насколько беззащитна была жизнь в хрупком тельце. Но она теплилась в нём и согревала душу, словно уголек домашнего очага. И счастливый отец, не долго думая, дал сыну имя Кара-Ыстык, что означает «чёрный-горячий».

Правда, это радостное событие вскоре омрачило известие о том, что Анахуань бежал из империи Вэй и прибыл в Степь для того, чтобы возродить Жужаньское ханство⁴⁶. Все его помыслы были направлены на восстановление бывшего величия и могущества страны.

Хан действовал решительно, но обдуманно. Он не стал сводить счеты с теми, кто в свое время изгнал его в империю Вэй, чем расположил к себе бывших врагов. Они тоже не мстили ему за пролитую кровь соплеменников. Люди устали от войны и смуты, а потому посчитали, что лучше уж иметь одного хана, чем десять претендентов на престол.

Постепенно мирная жизнь в стране возрождалась, хотя напряжение ещё витало в воздухе. Прежних порядков никто не отменял, и шад Агын в знак признания ханской власти должен был выплатить Анахуаню дань и отправить к нему по аманату сына. В ауле рода Ашина собралась вся тюркская знать, чтобы обсудить эти вопросы.

Вожди решили, что в ханскую ставку должен отправиться Истеми. Ведь Бумын к тому времени уже вырос, обзавелся семьей и кочевал со своим аулом отдельно от отца. С этим все были согласны, однако по поводу дани вспыхнул спор.

⁴⁶ В 523 году Анахуань бежал из империи Вэй и прибыл в Жужаньское ханство.

— Мы не должны платить Анахуаню дань за те четыре года, что он провел в империи Вэй! — громко сказал бек Нушиби.

— Почему? — удивился Бумын. — Мы можем выплатить ему даже больше, чем задолжали.

— О чем ты говоришь? — возмутился Агын.

— Ты в своем уме?! — слышались возгласы из толпы.

Бумын с улыбкой поднял руку, желая успокоить сородичей.

— Дайте ему сказать! — выкрикнул Джура.

И все замолчали.

— Раньше мы платили жужаням дань только оружием и доспехами, но теперь Анахуаню нужны ещё и воины, чтобы упрочить свою власть.

— Это так, — согласился Агын.

И с усмешкой спросил:

— Ты предлагаешь дать ему наших воинов?

— Правильно! — ответил Бумын, обескуражив отца.

Казалось, Агын лишился дара речи.

— А кто будет охранять наши аулы? — выкрикнули из толпы.

— От кого их охранять? — удивился Бумын. — Сколько живу, я никогда не видел в наших краях табгачских, телеутских или киргизских воинов. А вот жужаньский тумен был здесь однажды. С тех пор наш шад отдает ему своих сыновей по аманату.

Воцарилось тягостное молчание. Все знали, что Бумын долгие годы был заложником в ханской ставке. Вместе с тем люди поняли, что теперь он беспокоится о судьбе своего младшего брата Истеми.

— Бумын прав! — раздался густой бас бека Кутуза. — У тюрков нет более опасного врага, чем жужане. Если наши воины будут жить в ханской ставке, Анахуань сто раз подумает, прежде чем решится идти войной на Отюкенскую Чернь. Ведь ни один воин не обнажит сабли против родного народа!

Собрание загудело. После обсуждения совет родовых вождей принял решение отправить к Анахуаню вместе с Истеми четыре тысячи тюркских воинов. Они помогут хану утвердить власть, а вместе с тем выступят гарантом безопасности для жителей Отюкенской Черни.

Провожая Истеми в дорогу, Бумын не скрывал досады: теперь у него накрепко связаны руки. Он должен безропотно выполнять

все приказы Анахуаня, в противном случае не видать ему братишке живым.

— Не переживай, — успокаивал его Истеми. — Я не дам себя в обиду!

На прощание они обнялись и разъехались. Бумын, возвращаясь в аул, всю дорогу молчал, вспоминая годы, проведенные в ханской ставке.

Перед глазами проплывали лица друзей. Они до сих пор поддерживали с ним теплые отношения: присылали гонцов, слали подарки, иногда друзья сами приезжали к Бумыну, он тоже навещал их. Один только Ань затерялся в этом мире. Где он теперь, жив ли, здоров?..

Советник императора

Весь день и всю ночь Аня никто не тревожил. Ему не дали ни пить, ни есть. Полоска света вверху медленно угасала. Наступил вечер. Он свернулся калачиком, задремал. Внезапно дверь открылась.

Вошли стражники и, подхватив Аня под локти, выволокли на улицу. Там они рывком поставили его на колени перед человеком в железных доспехах, заставили поклониться. Ань видел перед собой лишь два кожаных сапога.

— Мне сказали, что ты жил среди кочевников и знаешь их язык, — сказал незнакомец.

— Да, меня научил ему шаман Хуньсюань.

— Теперь ты свободен и будешь моим толмачом⁴⁷.

— Благодарю тебя, господин! — обрадовался Ань.

— Меня зовут Юйвэнь Тай. Купи себе одежду, потом приходи во дворец. Найдешь меня там.

На землю со звоном упал кошелек, носки сапогов развернулись и удалились. Ань приподнял голову, огляделся. Он был один. Ему не верилось, что все это происходит с ним наяву, а не во сне. Наконец, придя в себя, он поднялся с колен и поплелся подальше от тюрьмы.

Оказавшись на свободе, Ань первым делом изготовил две деревянные таблички с именами Дэу-хуань-дивань и шамана Хуньсюаня. Затем заказал у мастера два каменных ящика, положил в них таблички и закопал ящики в землю. Отныне души двух близких ему людей обрели убежище. Они будут покоиться с миром, а он станет приносить еду и напитки на их могилки.

Ань присел, задумался и вспомнил друзей. Где они теперь, Бумын и Джура? Может, для них тоже придется изготовить деревянные таблички и каменные ящики? Если так, то он остался совершенно один в этом мире. Эта мысль опечалила Аня, но вместе с тем она же заставила его действовать решительно.

Он направился во дворец и там узнал, что пока был в тюрьме, императрица Ху Ши вернула власть, казнив своего сына Тоба И. Смерть правителя привела страну к расколу. Вскоре при таинственных обстоятельствах умерла и сама Ху Ши. После её смерти

⁴⁷ Толмач – переводчик.

империя Вэй распалась на два враждебных княжества — Западную Вэй и Восточную Вэй. Между ними вспыхнула война, что, в свою очередь, усилило влияние полководцев, обладавших реальной военной силой. Именно они управляли княжествами при номинальных правителях.

На востоке утвердил свою власть военачальник Гао Хуань, а на западе — Юйвэнь Тай, которому Ань был обязан освобождением. Верой и правдой он служил своему господину, поэтому быстро возвысился по службе и даже занял должность советника императора. Хотя приказы ему отдавал другой человек.

В тот день Юйвэнь Тай вызвал Аня. Слуга проводил его в просторный зал. Там расхаживал человек в военных доспехах. В его быстрых, порывистых движениях проглядывали сила и уверенность. Лицо полководца было волевым, взгляд строгим.

— К нам приехали купцы, — Юйвэнь Тай остановился. — Ань Нопанто, я хочу, чтобы ты выяснил у них, смогут ли они продать нам оружие и доспехи.

— Слушаюсь, господин, — Ань поклонился, сложив ладони перед лицом.

— Тогонский хан Куалюй⁴⁸ перекрыл дорогу на Тибет, — Юйвэнь Тай вновь заходил по залу. — Но купцы должны знать горные тропы, окольные пути... Пусть они назовут любую цену. А теперь иди, слуга ответит тебя к ним.

Как только Ань скрылся из виду, Юйвэнь Тай прошел в потайную комнату, чтобы оттуда в глазок наблюдать за переговорами.

Ань вошел в гостиную и увидел двух купцов, сидевших за столом. Один из них — пухлолицый мужчина, одетый в халат, расшитый золотыми нитями. Второй выглядел попроще и был сухопар, его тонкий с горбинкой нос и особый покрой одежды выдавали в нем уроженца Персии.

Перед гостями стояли пиалы с чаем, ваза с сушеными пенками, овощи и фрукты. Они встретили советника императора благодушными улыбками. Ань улыбнулся в ответ, потом поинтересовался, какими товарами торгуют купцы. Они рассказали, что привезли из Персии краску для бровей, вавилонские ковры, драгоценные камни, кораллы и жемчуг с Красного моря, ткани из Сирии и Египта, наркотики из Малой Азии. Все это купцы желали обменять на знаменитый шелк.

⁴⁸ Княжество Тогон находилось в степных нагорьях Цайдама. Еще в 312 году сяньбийское племя с князьями из рода Муюн перекочевало из Южной Маньчжурии на запад и обосновалось близ озера Кукунор, создав своё княжество. Тогон стал вассалом империи Вэй, но после её распада в 525 году князь Куалюй объявил себя ханом и вышел из-под вассальной зависимости.

Ань сообщил, что в связи с войной производство шелка в стране сократилось, но он приложит все усилия, чтобы раздобыть его для них. Это обрадовало купцов. Они смотрели на Аня как на своего благодетеля, и разговор стал более доверительным.

— Мы знаем, что вам нужны оружие и доспехи, — произнес пухлолицый купец, слегка склонившись.

Ань изобразил удивление, мол, поражен такой осведомленностью гостя. И это подзадорило его.

— Мы бывали во многих странах, — похвастался он. — У нас везде есть друзья, они живут и в Отюкенской Черни. Через них мы сможем купить там оружие и доспехи.

— Вы бывали в Отюкенской Черни? — обрадовался Ань, голос его дрогнул от волнения. — Может, вам известно, живы ли Бумын и Джура?

Гости переглянулись.

— Еще бы, конечно живы! Они и есть наши друзья. Но вы-то их откуда знаете? — удивился горбоносый.

— Это долгая история, — Ань безразлично махнул рукой.

Он склонился над столом, показывая всем своим видом, что готов внимательно выслушать купцов.

— Бумын кочует в Алтайских горах со своим туменом воинов, — сказал пухлолицый.

— Откуда у него столько воинов? — изумился Ань. — Или он уже стал шадом тюрков?

Горбоносый купец хитро прищурился и ответил:

— Нет, он еще не занял место своего отца, а когда займет, то воинов у него будет в два раза больше. Бумын поступил очень мудро. Раньше тюрки платили дань жужаням только оружием и доспехами, но однажды он уговорил сородичей собрать четыре тысячи всадников, вооружить их и отправить к Анахуаню. Поначалу хан обрадовался, ему нужны были воины, чтобы установить свою власть в Степи. На следующий год к нему приехала еще тысяча тюркских воинов, а потом еще и еще...

— Через несколько лет ханская ставка стала напоминать отару овец, которая жила в окружении волков, — продолжил пухлолицый. — И тогда Анахуань решил избавиться от такой опасности. Он велел тюркским воинам отправляться обратно под предлогом, что ему нечем их кормить.

Но тюрки тянули с отъездом до тех пор, пока хан не отпустил младшего сына шада Агына по имени Истеми, который находился у него по аманату. С тех пор Анахуань побаивается брать с тюрков дань. Ведь если он потребует выплатить её за все эти годы, то к нему придет целая армия вооруженных тюрков.

— Выходит, если тюрки перестали платить жужаням дань, то у них должны скопиться оружие и доспехи? — сделал вывод Ань.

— Правильно, — в один голос согласились гости.

Аня обрадовали эти новости. Разговором остался доволен и Юйвэнь Тай, наблюдавший из потайной комнаты. Опытный политик понял, что обстановка в Жужаньском ханстве напоминала ситуацию в империи Вэй, которая раскололась на два враждебных княжества. Отличие было лишь в том, что жужани и тюрки не шли на открытый конфликт. Но долго ли продержится их мир?

Правитель тюрков

Жаступила осень 535 года. По утрам траву покрывала уже не искристая роса, а седая изморозь. Бумын увел своих воинов в горы. Там они проведут зиму, пропитание будут добывать охотой, а лошадям легче будет прокормиться тебеневкой на обдуваемых ветрами склонах.

Бумын, Истеми, Джура и Каниш вошли в походный шатер. Только они присели к очагу, прибыл гонец и сообщил, что шад Агын тяжело болен. Бумын доверил войско Джуре и Канишу, а сам вместе с младшим братом помчался в аул отца, сменяя коней на караульных разъездах.

Рядом с юртой Агына сородичи воткнули копьё с насаженной на него черной лентой — знак того, что здесь находится тяжелобольной. Бумын и Истеми вошли внутрь. Из дымового отверстия падал сумрачный свет. Глаза, не привыкшие к темноте, первое время ничего не различали.

Услышав тихий женский плач, братья пошли на голос. У постели Агына сидела Кулан, рядом с ней был шаман. Истеми обнял мать за плечи, а Бумын склонился над отцом. Седые волосы обрамляли его скуластое лицо с запавшими тусклыми глазами, которые он открыл, чтобы увидеть сыновей.

— Бумын, — произнес Агын. — Теперь ты будешь править тюрками, пусть Истеми возглавит войско...

Это были последние слова и последняя воля отца. Ночью он скончался.

...Стояла поздняя осень. Небо хмурилось, проливая слезы моросящего дождя. Люди готовились к похоронам. Шаман определил место погребения, и мужчины расчистили там ровную площадку. На ней разметили прямоугольник, ориентированный по сторонам света. Когда вырыли могильную яму, из аула вышла похоронная процессия.

В последний путь шادا Агына провожали криками и слезами. Мужчины изрезали свои скуластые лица ножами и кинжалами, чтобы оплакать смерть правителя не слезами, а кровью.

Тело опустили на дно могилы, уложив головой на восток. Рядом поставили глиняные сосуды и чаши, а также стрелы по числу прожитых лет.

Бумын велел привязать жертвенного коня к дереву. Коротким точным ударом он всадил саблю по самую рукоять в грудь жеребца: дрожь пробежала по шерсти, у коня подломились ноги, и он повалился на землю с тяжким утробным выдохом. Несколько мужчин уложили тушу жертвенного животного рядом с телом шада Агына. Теперь любимый скакун правителя тюрков доставит своего хозяина в страну предков Йер-Су.

Могилу застелили тканью и засыпали землей. Вечером соплеменники устроили поминки в честь вознесения души усопшего на небеса, а утром приступили к возведению кургана.

Новым правителем тюрков стал Бумын, возглавив двенадцать родов племенного союза. После церемонии он принял титул шада, Истеми стал командовать войском, а Каниш и Джура были назначены иркинами⁴⁹.

Гонцы разнесли весть об этом событии. Потом на протяжении всего следующего года в аул рода Ашина приезжали гости из соседних княжеств, чтобы поздравить нового правителя тюрков, преподнести ему дары.

В один из солнечных летних дней к Бумыну прибыли два купца. Он встретил их в своей юрте, сидя напротив входа на возвышении из войлока. Слева от него был Истеми, справа — Каниш и Джура.

Гости вошли, прошли в центр и, встав на колени, в один голос пропели ележными голосами:

— Приветствуем тебя, благородный шад Бумын! — и низко поклонились.

Тюрки узнали давних знакомых: один из купцов был пухлолицым, другой горбоносый.

— И я приветствую вас, — с улыбкой ответил Бумын. — Рад видеть вас в добром здравии! Легка ли была дорога, в каких странах вы побывали?

— О-о... — протянул горбоносый, вскинув голову. — Все страны от заката солнца прошли мы с караваном, много народов и племен повстречали на своем пути...

— Но нет страны прекрасней Отюкенской Черни, где правит благородный шад Бумын! — подхватил пухлолицый.

Гости опять склонили головы, после чего пухлолицый продолжил:

— Счастливый народ живет в Отюкенской Черни! Он не знает голода, все люди здесь одеты и сыты, им не ведом ужас войны...

— О какой войне ты говоришь? — спросил Истеми.

⁴⁹ Иркин – один из высших титулов военной аристократии.

— О той, что полыхает в империи Вэй, — ответил купец. — Оттуда мы едем к вам, чтобы передать дары от Аня Нопаньто.

— От Аня?! — удивился и вместе с тем обрадовался Бумын.

— Он живой?! — воскликнул Джюра. — Так что же вы сразу не сказали?

Купцы удивленно переглянулись, потом они поведали все, что им известно о человеке, который был советником правителя Западного княжества Вэй Тоба Бао-цзюе и одновременно правой рукой полководца Юйвэнь Тая.

Из беседы с купцами Бумын выяснил, что после раскола империи Вэй, война грозила вылиться за пределы некогда единой и могущественной державы.

— Когда пожар полыхает в лесу, тревога охватывает всех его обитателей, — сказал Бумын в конце разговора.

Он обменял оружие на товары, и как только купцы уехали, сразу же отдал приказ: увести тюркские аулы в горы, выставить пикеты и усилить караулы вдоль границ. Меры предосторожности были приняты не напрасно.

Осенью 536 года вспыхнула ожесточенная война между Западным и Восточным княжествами Вэй. Годом позже в Гаогюе произошла смена власти. Правитель Юегюй был убит племянником Биди, который объявил себя ханом. Внутренние междоусобицы ослабили телеутскую державу. Анахуань воспользовался этой ситуацией.

В 540 году он разбил войско Биди, и княжество Гаогюй прекратило существование.

Активизировал свою деятельность и правитель Тогона. В 541 году Куалюй заключил союз с полководцем Гао Хуанем и ханом Анахуанем против Юйвэнь Тая. И тучи сгустились над Западным княжеством Вэй.

Война не коснулась тюрков, но Бумын не терял времени зря. Он знал, что выжить в этом жестоком мире можно, лишь имея мощную армию. Поэтому все его усилия были направлены на организацию войска, способного противостоять сильному противнику. И таким противником был Анахуань.

Жужаньский правитель мог собрать стотысячную армию. Имея такую силу, хан легко справился бы с тюрками. Правда, выход был, и заключался он в том, чтобы сделать воинов неуязвимыми на поле битвы. Для этого все они должны были иметь прочные железные доспехи, хорошие сабли и копыя, а также искусно владеть оружием.

Пока Анахуань громил телеутов и был занят войной с Западным княжеством Вэй, жители Отюкенской Черни изо дня в день добывали руду, плавиле железо, ковали оружие и доспехи. В итоге тюрки создали тяжеловооруженную конницу.

Бумын крепко держал в руках власть, и войско было послушно ему, как хорошо обьезженный конь. Благодаря усилиям Истеми строгая дисциплина и порядок царили в армии.

Узнав об усилении тюрков, Юйвэнь Тай отправил к Бумыну посольство во главе с Ань Нопаньто. Эта дипломатическая миссия по сути дела стала признанием того, что тюрки избавились от зависимости жужаньского хана и уже играли важную роль в политической жизни Центральной Азии.

Ань Нопаньто прибыл в аул рода Ашина ранним весенним утром 545 года. Бумын в сопровождении тюркской знати встретил его у Черных Камней.

Когда Ань вышел из крытой повозки, Бумын не поверил собственным глазам: ему показалось, будто перед ним стоит шаман Хуньсюань. Это сходство усилило появление рядом с ним маленькой девочки, которая удивленно смотрела на правителя тюрков. Она что-то тихо произнесла, и Ань Нопаньто весело сообщил:

— Моя приемная дочь приняла тебя за живое воплощение Будды, благородный шад Бумын.

Все рассмеялись, и неловкость исчезла сама собой. Старым друзьям не понадобились долгие дипломатические церемонии. Они были рады видеть друг друга после долгих лет разлуки.

Правда, история умалчивает о том, к какому соглашению пришли Западное княжество Вэй и Отюкенская Чернь во время переговоров. Они велись втайне. Об этом визите в китайской летописи сохранилось лишь скромное упоминание: «В орде все начали поздравлять друг друга, говоря: ныне к нам прибыл посланник от великой державы, скоро наше государство возвысится».

Известно также, что результатом этой дипломатической миссии стало ответное посольство тюрков, которое прибыло к Юйвэнь Таю на следующий год. Тем самым Бумын наладил мирные связи с одним из врагов Анахуаня, и тот отреагировал вскоре. Он прислал гонца, чтобы напомнить тюркам о вассальной зависимости.

Как только посланец хана скрылся за дверью, Джура произнес:

— Пока Анахуань воюет на юге, мы можем захватить его ставку.

— Не для того мы создавали сильное войско, чтобы нанести Анахуаню удар в спину, — ответил Бумын.

— Даже ретивый скакун, долго простоявший в стойле, превращается в клячу, — заметил Истеми.

— Действительно, для чего нам нужна армия, если мы сидим в горах? — сказал Каниш.

Бумын улыбнулся, морщины разгладились на его лице, но он ничего не ответил. Как могучий лев, засевший в своем логове, наводит страх на окрестность, так и тюркская армия одним только своим видом способна была вселить ужас неприятелю. В этом все убедились в 550 году.

Телеутские племена тяжело переносили жужаньское господство. Они восстали и двинулись на ставку Анахуаня. Когда бунтовщики преодолели середину пути, из ущелий Алтая выехали всадники и преградили им дорогу.

Стройные ряды вооруженных тюрков в пластинчатых панцирях и с длинными копьями наперевес выстроились боевым порядком. Телеутов было почти в два раза больше, но, увидев перед собой сильное войско, они даже не попытались оказать сопротивление, изъявив покорность Бумыну. Он одержал победу над пятидесятитысячным телеутским войском, не вступая в сражение. Жертв не было, и тюркская армия в одно мгновение увеличилась в три раза.

Чтобы упрочить положение, Бумын решил заключить с жужанями политический союз. Согласно дипломатическим нормам тех лет, скрепить его следовало брачными узами. Поэтому в 551 году он обратился к Анахуаню с предложением взять в жены одну из ханских дочерей.

Тюркские послы вернулись с оскорбительным заявлением жужаньского правителя: «Ты — мой плавильщик, как ты осмелился сделать мне такое предложение?!»

Узнав об этом отказе, правитель Западного княжества Вэй сразу же предложил тюркскому шаду жениться на своей дочери, принцессе Чанле⁵⁰. Бумын породнился с Западным княжеством Вэй, но не забыл хану Анахуаню оскорбления. Зимой 552 года он выступил против него в поход.

⁵⁰ В некоторых китайских письменных источниках эту принцессу именуют Вакуат.

* * *

Несколько дней тюркское войско черной змеей двигалось по открытой снегом степи. Пропитание воины добывали загонной охотой, жили впроголодь, спали на снегу. Первые дни они распевали песни, шутили и смеялись. Но чем ближе подъезжали к ханской ставке, тем меньше воины веселились, их строй стал теснее.

Бумын остановился, пропуская войско вперед. Он вглядывался в лица людей. Мимо проехал младший брат Истеми, затем верные друзья — Каниш и Джура, следом за ними ехали сыновья — Кара-Ыстык и Мукан...

Неожиданно мелькнула мысль: может, он видит всех в последний раз? Но Бумын отогнал ее. Ведь ему еще столько предстояло сделать, и разгром Анахуаня — это только начало больших свершений. Он давно все обдумал и обсудил свой замысел с родовыми вождями. И тут ему вспомнилась поговорка: «Коль вошел в реку, не жди, когда уйдешь под воду с головой».

Бумын улыбнулся, твердо решив, что он непременно выплывет или этого не случится никогда! Уверенности ему придавала его сильная армия. Еще накануне похода иркины и беки доложили о количестве воинов. Пять туменов телеутских всадников составили крылья, которые возглавили Каниш и Джура, а ударной силой была двадцатитысячная тяжеловооруженная конница под командованием Истеми. В пути присоединялись все новые и новые сотни, тысячи.

Прислали своих воинов племена адийе, остяки и кумандинцы, от киргизского шада прибыл тумен всадников. Бек Кутуз обратился за помощью к своим сородичам, и сиры поддержали его. Таким образом, к месту битвы прибыла стотысячная армия шада Бумына. Правда, сил у Анахуаня было не меньше, к тому же он имел большой военный опыт, его армия была монолитной.

Ранним зимним утром два войска оказались по обеим сторонам огромной равнины. Лошади дышали паром, разлеталась над землей барабанная дробь. Бумын взмахнул рукой, и воины Истеми устремились в атаку.

Тяжеловооруженная конница тюрков двигалась медленно, но приблизилась она без потерь: стрелы, пущенные лучниками Анахуаня, не нанесли урона. Как только Истеми ударил в центр жу-жаньского войска, оба крыла армии Бумына сорвались с места и понеслись по равнине, вздымая клубы снежной пыли.

Звон оружия, крики людей и ржание лошадей слились в единый гул битвы. В полдень Истеми удалось развалить ханское войско на двое. После чего он обрушился на правое крыло неприятеля, а Бумын с резервным полком тут же бросился на левое крыло. Жужане не выдержали натиска, часть их спасалась бегством, но большинство решило сдаться в плен, уповая на милость победителей.

Бумын преследовал Анахуаня, и тут произошло то, чего никто не ожидал. В воздухе сверкнул наконечник копья и впился в бок правителя тюрков. Удар пришелся в то место, где доспехи не защищали тела...

Бумын очнулся на следующий день после битвы. В свете масляных светильников его перекошенное от боли лицо выглядело зловецем. Слова отдавались болью, но он крепился, внимательно слушая Истеми.

— Когда мы окружили Анахуаня, он сам вонзил кинжал в свое сердце, а его сын Яньлочен бежал, — сообщил он.

— Теперь Яньлочен захочет вернуть власть, нам надо добить раненого зверя, — Джура грубо выругался.

— Хорошо, но это потом, — согласился Бумын.

Покорив Жужаньское ханство, тюрки не просто установили свою власть в завоеванной стране, они начали создавать новое государство, которое вошло в историю под названием Тюркский каганат.

Как только Бумын встал на ноги и, казалось, пошел на поправку, он занял престол и принял титул Ель-хана. Истеми был назначен багатур-джабгу, став вторым лицом в государстве. По этому случаю в Орде был организован праздник. Однако радость была недолгой.

...В тот день правитель тюрков лежал в постели, вокруг которой сидели родные и близкие. Женщины тихо всхлипывали, утирали слезы. Бумын открыл глаза, обвел собравшихся взглядом и тут он увидел статую Будды — это было все, что осталось в память о Дэу-хунь-дивань. Он вдруг вспомнил, что его юрта стоит на том самом месте, где много лет назад была буддийская пагода. Это Джура распорядился поставить её здесь, когда Бумына ранили. Ель-хан улыбнулся, потом велел остаться младшему брату Истеми и двум своим сыновьям — Кара-Ыстыку и Мукану. Когда все остальные родственники вышли, каган произнес:

— Теперь вы вместе должны продолжить наше общее дело. Поэтому вам следует самим решить, кто после меня будет править страной.

Таковы были последние слова и последняя воля первого правителя Тюркского каганата. Сказав это, Бумын закрыл глаза. Теперь уже навсегда...

Эпilog

Бумын умер в марте 553 года. Вскоре после его смерти в роду Ашина родился мальчик. Ему дали имя Йохдан, что означает «усопший, погибший».

Новым правителем Тюркского каганата стал Кара-Ыстык. Он правил всего шесть месяцев. Осенью 553 года, разбив жужаней, Кара-Ыстык скончался от ранения, полученного во время битвы.

Престол перешел к Мукану. Он принял титул кагана и окончательно разгромил жужаней. Их остатки бежали на запад. Собрал стотысячное войско, весной 554 года Истеми выступил вслед за беглыми жужанями. В 555 году его воины достигли «Западного моря», а в 571 году они уже были на Северном Кавказе и Керченском полуострове.

Таким образом, в VI веке владения тюрков простирались от Тихого океана на востоке до Черного моря на западе. Структурно эта огромная страна представляла собой конфедерацию двух самостоятельных каганатов с центрами в Отюкенской Черни и городе Суябе в Семиречье.

Появление единой державы, охватившей всю азиатскую часть Великой Степи, стало фактором огромного значения, который повлиял на ход истории не только Центральной Азии, но и всего Евразийского континента.

Уважаемые читатели!

Книги серии «Знаменитые люди Востока» знакомят детей с людьми, чьи деяния до сего времени не были достойно отражены в детской художественной литературе. Они охватывают крупные исторические события, судьбоносные сражения, межгосударственные отношения, деятельность великих исторических личностей, каганов, батыров и ученых. Книги этой серии помогут развить в детях чувство патриотизма и гордости за свою Родину, поведают им о делах их великих предков.

Руководители издательского проекта и ответственные за выпуск

К. Раимбеков, Б. Иманалиев

Автор

К. Бегалин

Научный консультант

*заведующий отделом «Древняя и средневековая история Казахстана» Института истории и этнологии им. Ч.Валиханова, доктор исторических наук, профессор
Зардыхан Кинаятулы*

Художник

К. Шукирбеков

Главный редактор

К. Байгабулова

Художественный редактор

Е. Козлова

Редактор

Л. Антохина

Корректор

О. Боровая

*Казахстан, 050000, г. Алматы, ул. Чайковского, 190/184, офис 23
Тел./факс: (3272) 728 411, 728 421*

*По вопросам оптовой продажи обращаться в торговый отдел
издательства «Аруна». Тел./факс: (3272) 728 411, 728 421*

*Эту и другие книги издательства «Аруна» Вы можете приобрести книга-почтой,
отправив заказ на наш электронный адрес: E-mail: aruna_ltd@mail.ru*

*Формат 60x90 1/8. Бумага мелованная. Гарнитура «Школьная»
Усл. печ. л. 13,45. Уч.-изд.л.17. Тираж 3 000 экз.*

Типография «IntellService»

Дизайнцентр издательства «Аруна»

М. Моминов